Потеряшка. Дикие земли Лаори

Автор:
Алексей Мазуров

Потеряшка. Дикие земли Лаори

Алексей Михайлович Мазуров

Действие романа происходит в новом мире, в котором нет эльфов, гномов и других всем привычных персонажей. Но он не безлюден, в нем проживает несколько разумных рас, каждая из которых попала в него из своего мира. Мир-ловушка, так как в него-то попасть можно, а вот вернуться в свой мир – нет. К тому же этому миру грозит полное разрушение. Но это будет позже. А пока в самом центре пустующих земель появляется прямиком из лифта, собравшийся на рыбалку, весь обвешанный удочками и снастями 45-летний руководитель проектов по изменениям в бизнес-процессах, наш соотечественник. Вокруг дикие, пустые и далекие от цивилизации земли, хищники и никаких удобств, и для начала ему необходимо просто выжить. Обустроившись и потеряв всякую надежду на возвращение, он отправляется на поиски местных жителей, но встречает совсем непохожих на людей разумных, которые к тому же не особо рады его видеть.

Алексей Мазуров

Потеряшка. Дикие земли Лаори

Глава 1.

Я сидел и смотрел на город внизу. Уступ на скале позволял мне удобно расположиться, а бинокль – наблюдать за городом с безопасного расстояния.

Город хоть и не впечатлял размерами, но его архитектура, вычурная и величественная одновременно, с крепостной стеной и высокими дворцами, устремлявшимися вверх остроконечными башнями и с развевающимися на них полотнищами знамен, наводила на определенные выводы об уровне развития его обитателей. И этот город был обитаем. По улицам передвигалась целая масса существ, отсюда с верхотуры, выглядевшая как потревоженная стайка муравьев. В мой бинокль, с восьмикратным увеличением, видно было достаточно, хотя и далековато все-таки. Бинокль у меня замечательный, БПЦ5 8х30 made in USSR 1981 года выпуска, случайно купил его еще в прошлой жизни за тридцать евро на блошином рынке в Будапеште. Настоящая, правильная вещь, еще советского производства, легкий, компактный, да и картинку хорошую дает, что для полевых условий, на мой взгляд, оптимальный вариант.

Ближе к городу подходить я опасался, итак, был удивлен, что на таком расстоянии от него, пусть даже и на скале, тем более на скале, нет никакого секрета или хотя бы простого стационарного поста от защитников города. Вроде бы это элементарное требование безопасности. Но что я знаю о жителях этого города? Ничего. Может оно им и не надо? Значит и мне не судить. «Погоды стоят шикарные», солнечно, редкие облачка разбросаны по небосклону. Старшая луна передвинулась ближе к западу, а вот Светило располагалось прямо в зените. День близится к своему апогею, а я все еще сижу и любуюсь городом. Все лес да звери, а тут все-таки первые следы цивилизации, встреченные мной на этой планете. Город был великолепен, невероятно красив. В лучах Светила переливались разноцветьем крыши жилых и административных зданий, купола храмов величаво отсвечивали серебром, множество флагов, как на крепостной стене, так и на башнях, да и просто на зданиях, развевались на ветру.

Флаги были, как и крыши разнообразной расцветки, а вот на самой большой башне, самого крупного замка, и на его нескольких меньших башнях-сателлитах, развевалось желтое знамя, с каким-то рисунком в центре, который с этого расстояния мне не удавалось рассмотреть. В центре города, как раз напротив этого замка располагалась огромная площадь, обрамленная по окружности явно торговыми рядами, посереди которой стоял памятник, поставленный скорее всего какому-то правителю этих земель. Он восседал на животном, напоминающем лошадь, держа в одной руке копье, а в другой религиозный символ. Такие же символы, в виде простого прямого креста в круге, возвышались и над зданиями, которые я идентифицировал как храмы. От площади отходили, словно лучи, пять крупных улиц, направляясь видимо к основным воротам города, или просто к крепостной стене, и между ними было неисчислимое число маленьких и не очень улиц, улочек и переулков. В целом

город напоминал рисунок лабиринта, только раскрашенный в разноцветные цвета крыш. Крыши здесь были всех цветов и расцветок, видимо местные мастера умели придать черепице любой желаемый им цвет, а жители города не стеснялись в выборе цвета крыш для своих домов. А возможно их цвет говорил о принадлежности владельца дома к тому или иному роду, если подбирался по аналогии с расцветкой шотландских килтов на Земле.

Глядя на город, я постоянно щурился от переизбытка цветов и красок. Мне нравилось такое цветовое безобразие, так как на мой взгляд это говорило о том, что жители города не зациклены на только лишь пропитании, но и много времени и средств уделяют эстетической составляющей своей жизни. Все это вселяло оптимизм, так как я здесь уже больше двух месяцев гуляю, и только теперь увидел, что на этой планете присутствует разумная жизнь, и не мрачное средневековье, как любили у нас изобразить в голливудских фильмах, грязное, серое и немытое, а довольно-таки веселенькое средневековье. Почему средневековье? Не знаю, как-то сразу так решил, сработал шаблон, может отсутствие автомобилей и зданий из стекла к этому подтолкнуло. Зато я теперь знаю, что не один на планете. Хорошо это или плохо? При любых раскладах, хорошо, чтобы не случилось. Существовать в одиночестве на целой планете – «не есть айс», даже жизнью это не назвать, так прозябание. Все-таки люди существа стадные, за последние пару месяцев я в этом убедился на себе.

Как я уже и говорил, я здесь около двух месяцев, а точнее шестьдесят четыре дня. Но обо всем по порядку. Как вы уже наверняка догадались, я «попаданец», и на мой безусловно субъективный взгляд, попаданец без всяких кавычек, я бы даже сказал полный попаданец, не подумайте, что это я о весе. Как я сюда попал? Не знаю. Вернее, механизм переноса и его причины мне не известны. Да и всевозможными межпространственными туннелями или «складками пространства» объяснить это нельзя, так как попал я сюда прямо из лифта. Причину мне тоже никто не объяснил, так как с тех пор я никого не встретил, кто мог бы мне про эту самую причину рассказать. Ну из разумных существ я имею в виду. Хотя, начитавшись в свое время фентэзи и множество книг про попаданцев в другие, или как у нас любили писать, иные миры, я готов был встретить кого угодно, начиная с орков и заканчивая разумными улитками, демонами и всякой другой, подобной нечисти. Или уж на худой конец злобного колдуна, который похитил меня для каких-то своих целей или экспериментов. Меня до сих пор мучил вопрос, а встречу ли я здесь эльфов, наверняка ведь должен, вон они, практически во всех произведениях встречаются после того, как Толкиен всем о них рассказал. Но не встретил никого, я имею в виду разумную составляющую жизни. Хотя нет, сейчас вот встретил, сижу и смотрю

на чей-то город. Жаль расстояние не позволяет мне, даже с биноклем, оценить внешний вид существ, в нем обитающих. Эх, как же мне хочется, чтобы это были люди. Ну или хотя-бы эльфы.

Теперь обо мне. Меня зовут Дмитрий, мне 45 лет, последние 12 лет, проживающий в городе Москве, и «понаехавший» в нее в поисках заработка и профессионального развития. Все-таки жизнь в маленьком российском моногороде, не предполагает высокий уровень доходов, если ты не бизнесмен или чиновник, конечно, а я таковым не был, да и в развитии как в профессии, так и в личностном, особых перспектив в своем городе я не видел. А развиваться мне хотелось всегда, не люблю рутину. С детства поглощал огромное количество книг, учился всему, до чего только мог дотянуться. Нет, никакого Дерсу Узала мне в жизни не повстречалось, да и где ему взяться в центральном черноземье, но мог и умел все необходимое в местности своего проживания. Отбить косу, запрячь лошадь и вспахать, провести отделочные и малярные работы, поработать сваркой и рубанком, провести в дом электричество и многое другое, вроде простое и обыденное, но для многих недоступное в наше время (особенно в крупных городах), все это для меня не являлось тайной за семью печатями. Так что я, наверное, сам себе до конца не смог бы ответить, что было определяющим при принятии решения о переезде, деньги или возможность узнать что-либо новое. Да и деньги то мне были нужны для того, чтобы можно было путешествовать по миру и учиться чему-нибудь еще.

Вырос я в деревне, в семье врача и учительницы, и перебрался в соседний районный городок только после института, поступить в который мне помогла светлая (да, я не очень скромный) голова, и то, что в советское время образование было бесплатным. Телосложение крепкое, сказывается деревенское детство, с постоянными огородами и уходом за домашней скотиной, а также детское увлечением спортом. Нам повезло, что в нашей деревне физруком работал фанат футбола, сколотивший из деревенских пацанов довольно крепкую команду, побеждавшую на всех областных и межобластных соревнованиях. Ну и нагружал он нас соответственно не по-детски, по довольно профессиональной программе подготовки молодых футболистов. После школы футбол я забросил, из деревни переехал, но база, заложенная в детстве, позволяла сохранять довольно приличную форму, вот правда от небольшого пивного животика меня не уберегла. В общем, как вы понимаете, я среднестатистический офисный планктон, не имеющий в прошлом каких-либо нужных увлечений в виде восточных единоборств и секций фехтования, да к тому же я еще и в армии то не служил. Сначала была отсрочка по институту, потом на третьем курсе я женился, и на четвертом курсе жена подарила мне

первую дочь, а через полтора года еще одну. А с двумя детьми в армию уже не брали.

С женой мы живем до сих пор, и совсем недавно отпраздновали 25-летие совместной жизни. Как это ни странно сейчас, для моего вечно разводящегося поколения любили друг друга, став за это время не только друзьями, но и просто родственными душами. Так, все, иначе опять в тоску понесет. Ведь именно расставание с женой, детьми и первым внуком как раз и являлось для меня самой страшной утратой. Дня не проходило, чтобы я о них не вспоминал, жутко скучая буквально каждую минуту. Как я не сошел с ума в первые дни, когда осознал, что возможно, и это скорее всего, я их больше не увижу, я не знаю. То, что переживают они, я даже боюсь представить. Но это та боль, которую мне придется нести всегда, в том случае, если мне не повезет вернуться. Сами мысли о возвращении я постоянно гнал от себя, так как не представлял, как, а если постоянно думать об этом, то так и до поездки крыши вниз додуматься можно.

В тот день, 16 июня 2016 года, шестьдесят четыре дня назад, я с утра, проводив жену на работу, а младшую в институт, собирался поехать на рыбалку. Взяв несколько дней в счет отпуска, я освободил себе четверг с пятницей, и понедельник со вторником. Таким образом, у меня на рыбалку было шесть дней, ну за вычетом двух полудней на дорогу, полноценных пять. Ехать я собирался на озеро Селигер в Тверской области, а там уже доплыв на резиновой лодке до какого-нибудь островка, обосноваться на все время на нем. Такой тип отдыха, удавался мне крайне редко, так как все свои отпуска мы тратили на поездки за границу, и поэтому я аж дрожал в нетерпении, предвкушая его.

Для меня отпуск, как и любая долгожданная поездка, всегда начинался уже со сбора чемодана. Именно в этот момент, в душе начинался небольшой вихрь ожидания праздника, тебя что-то словно заводило изнутри. Эти моменты, сбор чемодана, поездка в аэропорт, или отъезд от двора на машине, именно первые моменты перед поездкой для меня были самыми любимыми. Как будто ты собираешься сделать шаг в неизведанное, и постоянно подгоняешь себя, торопишься насладиться им. Непередаваемое чувство.

Жена со мной на рыбалку не ездила, не находила прелести в том, чтобы жить почти неделю в палатке на природе, но и относилась с пониманием, никогда не запрещая, а даже поощряя такое мое увлечение. Как она любила говорить – мужчина без увлечений и игрушек, неполноценный. Да и рыбу я всегда

привозил, что позволяло считать меня добытчиком, эдаким пещерным человеком. В наш век инфантильных мужчин, хипстеров и так называемых «бруталов» ей нравилось видеть и находить во мне черты, подтверждающие, что ей достался «настоящий мужчина».

Я довольно безалаберный человек, так что хотя и планировал поездку на рыбалку заранее, все-таки все основное пришлось собирать и проверять в последний вечер. Поэтому и притащил в дом все свои снасти и удочки, чтобы осмотреть их перед рыбалкой и подготовить к тому, чтобы по приезду можно было сразу начать ловить. Как же я благодарил Бога за эту свою безалаберность, когда оказался здесь. Я «поплавочник», люблю рыбалку на удочку, иногда лишь разбавляя ее спиннингом. Так как основное (лодка), было уже у меня в машине, то оставалось погрузить удочки, спиннинг, рюкзак с палаткой, притороченной сверху рюкзака и сумку со снастями и прочими мелочами. Постаравшись ухватить все за один раз, чтобы не ездить с 10-го этажа дважды, я весь эдак раскоряченный погрузился в лифт, держа все необходимое в руках и на спине. В общем, со стороны я выглядел как очень жадный краб.

Самого момента переноса, как такового то и не было. Вот я стою в большом, так называемом грузовом лифте, моргает свет, и я уже стою на поляне возле леса, на берегу реки. Солнце светит, птички поют, в реке что-то плещется и никого вокруг. Да и не Селигер – это явно, там все-таки озеро. Я тихо сел. Так как потери сознания не было ни на мгновение, я четко понимал, что со мной приключилось что-то из ряда вон. Аккуратно положив на траву все, что у меня было в руках, я также сидя снял рюкзак, и достав из сумки нож, прицепил его на пояс, сделав это практически машинально, только отметив для себя, что нож я достал правильный.

Из всех моих ножей, а беру я их на выезды на природу всегда несколько штук, в этот раз под руку попался купленный пару лет назад в поездке по Испании, в том самом Толедо, толедовский же кинжал. Небольшой, с хорошей сталью и правильной рукоятью. Но про ножи я могу говорить и писать долго, это настоящая моя страсть, их у меня дома около пятидесяти штук всех возможных типов и размеров. В основном легендарных моделей и производителей, хотя и простых, сделанных знакомыми слесарями, или попросту купленных на московском Клинке, и изготовленных мало кому известными мастерами, тоже хватало. Сидел я долго. Осматривался и пытался понять, что меня окружает, прислушивался к своим ощущениям, телу, запахам. Было страшно, очень, и в

первую очередь из-за того, что я не понимал, что происходит, и вместе с тем ощущал, где-то внутри себя, что я влип.

Поборов первый приступ страха, встал на ноги и огляделся. Я находился на берегу реки, шириной метров сто пятьдесят, или двести, на ее левом, если брать течение берегу. В этом месте берег был сравнительно невысок, возвышаясь на метра полтора-два от воды, спускаясь в том месте, где я стоял, к реке небольшим пляжиком, метров десять длиной, с пологим спуском и желтым песком на берегу. По сторонам пляжа высились заросли камыша, вдаваясь в воду не более чем на два-три метра, что говорило о том, что дно уходит на глубину достаточно резко. На берегу пляж переходил в овальную поляну, со всех сторон окруженную смешанным лесом и кустарниками. Я не специалист, но деревья напоминали земные, практически полностью их копируя, и это меня немного успокоило, дав мне надежду, что я все-таки на Земле, просто меня перенесло куда-то, так сказать, по горизонтали. Оказалось, зря давало, так как тут я повернулся и посмотрел назад и вверх, и понял, что таким надеждам хана, так как рядом со светилом, полностью похожим на Солнце, только левее и ниже, по виду, так у самого горизонта, в небе находился еще и какой-то громадный спутник, раз в несколько больше нашей Луны. Вид был я бы сказал впечатляющим, такой своеобразный полукруг, протянувшийся от поверхности до поверхности занимая собой чуть ли не треть неба. Первая же мысль, которая пришла мне в голову была – «Это какие же тут приливы».

Я опять сел. Осознал. Глубоко осознал. Даже всплакнул немного, при мысли «ну за что мне все это». Потом уминал все в голове какое-то время, пытаясь спасти свой мозг тем, что это мол глюки, что мерещится мол. Не получилось, но немного успокоился. Снова встал, собрал свои вещи и подтащил их к огромному дереву, по мне так раките, растущей на берегу реки. Подобные деревья росли у нас в деревне, правда таких размеров не достигали, но тоже были большими. В одном из них в дупле жил удод, с голубым хохолком, мы его еще Василием звали, а в других, тоже в дуплах и стволовых трещинах, мы ловили летучих мышей. Хорошие деревья, раскидистые, с большими крепкими ветвями, на них спать можно, если соорудить гамак, или привязаться. Что мы пацанятами и делали, когда мамы нас отпускали на ночь. Поляна, где я оказался, была светлая, кое-где усыпанная зарослями земляники, ну так я ее окрестил, так как ягоды выглядели, пахли и на вкус были как земляника, а я все-таки не удержался и попробовал несколько штук, предварительно обнюхав их и лизнув. Подумав, я понял, что скорее всего, если мир микроорганизмов и бактерий здесь разительно отличается, а он скорее всего отличается, то просто попив воды я все равно могу умереть, так как мой организм не имеет иммунитета к местной биосфере.

Поэтому заморачиваться я не стал, и слопал несколько ягод. Вкусные кстати, и опять же можно сделать вывод, что попал я примерно в тот же период начала лета, что и был на Земле, в момент моего переноса, либо помутнения рассудка. Хотя я понимал отчетливо, что это не так, голова работала хорошо, тело себя ощущало живым, и тактильные ощущения были достаточно правдоподобны. Это был явно не глюк.

Дальше поляны я пока не заходил. Боялся. Сел возле своих вещей и достал мобильные телефоны. Догадался блин, не прошло и часа, хотя по-хорошему нужно было сразу их использовать. У меня их два, оба с двумя симками. Началось все с того момента, когда мне на работе выдали рабочую сим-карту, и чтобы не таскать два телефона, купил двухсимочный смартфон, потом, для выхода в интернет, завел еще одну, ну а потом потребовался номер, который почти никто не знал, только для своих, его знали только члены семьи и самые близкие друзья. Итак, ни один из известных мне операторов не обнаружился, из неизвестных тоже, полное отсутствие каких-либо сетей. Помучив немного оба телефона и слазив на дерево «за сигналом», так ничего и не обнаружив, перевел оба смартфона в режим «самолет», в нем они больше продержат заряд. Не знаю зачем, по инерции наверно. Сделал это прямо на дереве. Ракита, которая мне приглянулась сразу же, имела внизу в окружности около трех моих обхватов и в высоте достигала просто исполинских размеров. Вокруг, насколько хватало глаз, стоял лес, только вдалеке были видны отроги каких-то скал, а река через несколько десятков метров сворачивала, скрываясь из глаз. На что я обратил внимание сразу. Самолеты здесь не летают, реверсивных следов видно не было. Но правда это еще не доказательство их отсутствия и уровня/наличия цивилизации. Может маршруты проходят мимо, а может только начали летать, а может еще и не начали и тут какое-нибудь средневековье, или вообще каменный век. Вариантов много. А может быть и так, что вообще никого нет. Хотя верилось с трудом. Если на нашей планете образовалась жизнь, то почему, на практически ее копии, также не образоваться какой-либо разумной жизни. Вопрос какой? Вот тут-то мне и поплохело. Мысль оказаться на планете, населенной разумными ящерами, меня не прельщала, в лучшем случае в зоопарке запрут, чтобы показывать посетителям неведомую зверушку. Так себе перспективка.

В этот момент я пожалел, что в свое время зачитывался книгами про иные миры. Своей бы фантазии на все то многообразие у меня бы точно не хватило. Хотя, дело не только в книжках, достаточно было просто вспомнить «Звездные войны». Каких только омерзительных типов там не напридумывали сценаристы. Да уж. Пока не будем об этом, а будем решать проблемы по мере их

поступления, и по мере возможности их решить. Сейчас я также обратил внимание на то, что нигде, насколько позволяла видимость, либо на сколько хватало глаз, не было видно ни одной струйки дыма, поднимающийся вверх, а лучше бы сразу нескольких, что явственно указывало бы на то, что там есть жизнь. Нет, лес и небо были девственно чисты.

Ну, что ж, надо решать, что делать дальше. В принципе, вариантов немного. Первый, остаться здесь на какое-то время, в надежде, что меня перекинет обратно, да и просто для того, чтобы осмотреться. И второй, сразу начинать передвигаться в поисках людей, или кто там населяет это место. Двигаться можно как вдоль реки, так и в сторону гор, что в принципе, судя по всему, было в одном направлении. Для того, чтобы принять верное решение, я спустился вниз, и подошел к своим вещам. Что радовало, за все время моего нахождения здесь, на поляну не вышел ни один из хищников, или зомби, или еще какой-нибудь нечисти. А я это подспудно ожидал, начитавшись фэнтези. С одной стороны, это хорошо, может быть нечисти тут и нет, а вот хищники должны быть, значит на ночевку нужно будет устраиваться основательно, и желательно повыше. А вот, с другой стороны, непонятно, что-то же могло их извести. Что-то, что пострашнее хищников и нежити. Или они выйдут позже? Хотя, пока я сидел на верхушке дерева, я увидел мельком что-то вроде глухарей, на другой полянке, чуть ниже по течению реки. Это меня успокоило и обрадовало, значит с голоду не умру, да и речка рядом. Поэтому, я решил считать, что это самый обычный лес, со своими хищниками, без всяких проклятых земель и орд нежити, и, этих хищников просто не оказалось поблизости, либо они спят, так как уже поели. Хотя все равно страшно было, где-то на задворках мыслей. Поразмыслив, я решил провести ревизию всех своих вещей, потому что они становились едва ли не самым главным сейчас в моей жизни. Вернее, все мое существование, да и жизнь зависели от того, что было у меня с собой. Был и другой повод. Перебирая вещи, перекладывая их и копаясь с ними, я отвлекался от мыслей о своих потерях. Мелкая моторика, штоб ее. Перебирая вещи, и оценивая их полезность, я переключал сознание на насущные проблемы, не позволяя себя свалиться в отчаяние.

Итак, что у меня с собой. Две удочки, вернее два телескопических удилища на три и на четыре метра длиной, легкие и гибкие, обе снаряженные для рыбалки либо с лодки, либо с берега. Леска выдерживает до пяти килограммов, по крайней мере до этого она меня не подводила, правда и лещей, весом более полутора килограмм, я на нее не ловил. По меркам Селигера с лодки возле берега это и так был трофейный улов. Вообще я рыбачить умел и любил, так что можно сказать с уверенностью, что от голода, рядом с речкой не умру. Обе

удочки снаряжены безинерционными катушками. Спиннинг один, но очень качественный, мне его на день рождения подарили, как раз для таких рек, рядом с которой я обосновался, и к нему две снаряженные монохромной леской катушки, выдерживающей какую-то умопомрачительную нагрузку. Не суть, главное, что крепкая. Рюкзак, на семьдесят плюс десять литров, с жесткой спинкой, со вставными стальными планками, почему-то подумалось, что из них можно мечи будет сваять. Представляете мое состояние? Как сваять? И что бы я с этими мечами делал, даже если бы сумел? Скакать с грозным видом по поляне размахивая ими над головой? Порезаться только сумел бы. Сверху к нему приторочена палатка, сбоку прикреплен туристический коврик-пенка. Палатка у меня одноместная, но комфортная, с большим тамбуром для обуви и рюкзака, по-хорошему для собаки конечно, но ввиду отсутствия у меня таковой, я туда складывал вещи, чтобы уберечь их от дождя, да и обувь туда же ставил, чтобы в палатку не тащить, а то от запаха, исходящего от них, в маленьком помещении палатки, через неделю помрешь. А так и укрыто и снаружи, красота. Самое главное, что днище у нее сделано из очень крепкого, не промокаемого материала, с защищенными стальными кольцами отверстиями по углам, что позволяло ее использовать как гамак, так как ставить палатку на землю я пока не решусь. По крайней мере пока не оценю кровожадность и размеры местной хищной фауны, мне на дереве как-то спокойнее будет спать. Зачем я это пишу? На нервах я, потерпите, скоро рассказ динамичнее будет идти.

Итак: палатка, рюкзак, пенка, бинокль, два удилища поплавочных с катушками готовых к рыбалке, спиннинг, из обуви тапочки и сапоги в рюкзаке, на ногах кроссовки, из одежды свитер, пять пар носков, маленькое полотенце, куртка непромокаемая, брюки (тактические), специально купленные для рыбалки из легкого и прочного материала, которые я собирался одеть по прибытию на рыбалку, джинсы на мне, клевые, классический 501 левайс (хотя правильно говорить левис, но уж как привык), других не признавал, топорик, небольшой с прочной, обшитой пластиком рукояткой, саперная лопатка, солдатская фляга с холодным кофе, четыре футболки, пара трусов, одна запасная рубашка, рулон туалетной бумаги, кусок мыла и зубная щетка с маленьким тюбиком пасты (такие в некоторых авиакомпаниях выдают при длительном перелете), котелок с крышкой, небольшой, но крышку можно использовать как сковороду и тарелку, две синих, из толстого твердого пластика тарелки, стальная термокружка, купленная в магазине «Экспедиция», две новых непочатых пачки соли, так как собирался на неделю, место было прикормленное, и планировал наловить много рыбы и соответственно ее засолить.

Конечно, две пачки перебор, но не смог не порисоваться перед женой, мол смотри, какой я крутой и успешный рыбак, а она восхищенно и вместе с тем чуточку по-матерински снисходительно, посматривала на меня, соглашаясь со мной, что соли надо взять побольше, и побольше мешков под рыбу, тихонько посмеивалась. Вот тут-то меня по-настоящему и накрыло. Плотно так. Представил только, что я ее больше не увижу, именно ее. Приходил я в себя долго, даже опять поревел, вернее повыл, благо луна была, и огромная, вой не хочу. Потом, успокоившись, продолжил ревизию.

Моток веревки, метров на тридцать общей длины, а если распустить на нити, то вообще много, тем более что веревка синтетическая и нити у нее крепкие. По сути, один из самых важных элементов багажа, способный максимально мне здесь пригодиться. Картошка, килограмма три, стандартная сетка из расположившегося рядом магазина, уже помытая. Для ухи, да и запечь хотел. Шесть бич-пакетов с завариваемой лапшой, на всякий случай, и когда готовить лень, четыре банки тушенки из свинины «Батькин резерв», они почему то до сих пор ее из мяса делают, палка финского сервелата, две банки сайры в масле, два батона белого хлеба и один черного, упаковка с лавровыми листьями, восемь средних луковиц, три головки чеснока, пакетик перца горошком, его в случае чего и истолочь можно, три крупных моркови, пачка макарон твердых рожками, пять пакетиков гречки, которую можно варить прямо в пакете, баночка с приправами, в которой намешанная мною же смесь из хмели-сунели в основном, сухого имбиря, семян укропа и с небольшим добавлением сухого же базилика. Баночка завариваемого кофе, грамм на 50, взял обычную маленькую Нескафе, полкило сахара, пара килограммов печенья разного, и несколько пакетиков чая. Две ложки, столовая и чайная. Две книги. Перед поездкой зашел, купил третью и четвертую часть «Рыцаря» Калбазова Константина. Первые две понравились, думал почитаю на рыбалке про попаданца. А теперь походу сам такой же. Только без кучи стволов и боеприпасов к ним. Н-да. Но бумага пригодится.

Я почему так подробно расписываю? А для того, чтобы тот, кто возможно это прочитает, не удивлялся тому, как я выжил тут, да еще с относительным комфортом. Ибо у меня с собой было! Дальше. Ножи. Вот о ножах отдельно. В этот раз я взял с собой в общей сложности восемь ножей. Говорил же, их у меня много. Это три метательных ножа, серии Спорт, два вторых и один – Спорт1, собирался немного потренироваться в перерывах от ловли рыбы. Их в сторону, из них можно будет сделать наконечники для копий. Во как, уже вооружаться собрался! А что, копье для меня сейчас самый оптимальный вариант. В юности, в восьмидесятые, а потом и в девяностые, когда не стало СССР, после того, как рухнул железный занавес, в страну хлынуло много чего, и я, как и все

мальчишки, насмотревшись боевиков с Брюсом Ли, и с китайскими монастырскими монахами-воинами, во дворах, вооружившись всяким дрекольем пытался повторить приемы из фильмов. Сколько шишек на голове, и синяков по всему телу набили мы себе, вращая во в дворе воображаемые копья, шесты, всякие «нунчаки» и «тройные цепы». Но палки в руках держать научились. В общем, в данной ситуации копье рулит.

Лук тоже придется сделать, благо на тетиву пойдет нить, распущенная из веревки. В детстве мы их много делали, играя в индейцев, обычные однодеревки, но соседскую курицу стрела из такого лука пробивала шагов с двадцати насквозь, может и с большего расстояния бы пробивала, если бы хоть раз попали. А играли мы серьезно, у каждого из нас было свое, индейское имя, метали томагавки/топорики, да и луки наши били метров на восемьдесят-сто. Наконечники делали из консервных банок, стрелы из дубков или орешника, а то и просто из лозы, кустарника которой в нашей Курской области было просто немеряно. Еще из ножей, помимо уже висевшего на ремне толедовского клинка и трех метательных, у меня с собой были: два кабара, купленных в интернете на шопоззе и доставленных аж из Америки, один из них классический USMСявляющийся штатным боевым и походным ножом американских военно-морских сил, второй D1275, здоровенный такой тесак, с длиной клинка сантиметров в семнадцать, и общей длиной около тридцати сантиметров, спайдерко VG10, как замена кухонному, и мультитул лизермановский в котором присутствуют плоскогубцы, ножницы, несколько видов отверток, открывашек, и даже небольшой напильник, но это так, ногти заточить. Ну или поправить наконечник стрелы, это как посмотреть, хотя вряд ли конечно, не осилит. Все это лежало частично в рюкзаке, частично в сумке со снастями. В сумке еще лежал плащ, синий зараза, ну никаких маскировочных свойств, из плотного полиэтилена, купленный по случаю на каком-то стихийном рынке по дороге на рыбалку же, поджопник туристический обыкновенный, налобный фонарь, комплект сменных батареек к нему, полтора рулона скотча, самого простого, половинка рулона изоленты, тоже синего цвета, ну люблю я синий цвет, три запасные катушки и два пластиковых рыбацких контейнера, каждый с кучей отделений для снастей, один для поплавочной ловли, другой с блеснами и поводками для спиннинга. Ну этого добра мне чуть ли не на всю жизнь хватит, если аккуратно использовать. Три катушки даже не распечатанной запасной лески, да я хомяк, туба с поплавками, пакет с прикормом, пара строительных черных вязаных перчаток, в них еще любят картошку копать, бандана, как ни странно не синего цвета, а хаки, кепка-бейсболка в цветах и символике любимого футбольного клуба «Динамо» Москва, (все-таки болела со стажем) еще один рулон туалетной бумаги, моток тонкой стальной проволоки, метра на два,

на случай, если кончатся поводки, упаковка бумажных полотенец, взял «на салфетки», и небольшая аптечка, в которой только йод, бинты, вата, валидол зачем-то, аспирин, несколько таблеток тера-флю если простыну, пластырь, купленный в европах, потому что не кусками, а в виде рулона, у нас такие уже редко встретишь, и нурофен. Вот и все. Да, еще в аптечке лежал набор для починки одежды, радостно уведенный мной из какой-то иностранной гостиницы. В нем пара иголок и несколько кусков ниток, булавки и даже пара пуговиц. Вещь. Это я усиленно одобряю, очень нужный в данной ситуации набор. Еще лежал блок сигарет, упакованные в полиэтилен два коробка спичек и запасная зажигалка, еще одна была в кармане, и упакованный в целлофановый пакет блокнот, я его купил, чтобы записывать места ловли и улов, но как-то так и не начал, и вот уже пару лет вожу его на все рыбалки. Ну и соответственно парочка ручек, самых обычных, также уведенных из заграничных гостиниц. И мне не стыдно, они прикольные. Одна белая с какими-то розовыми бабочками и надписью паппилон иностранными буквами, другая синяя, тоже с названием какого-то отеля. Ну и водка, в бутылке 0,6 из-под пепси-колы, куда же без нее. Воду, как и наживку, червей с опарышами, я хотел перед самым подъездом к месту рыбалки купить, так что этого нет. Воду придется набирать из речки, а уж наживку под корой деревьев, или под корягами наковыряю, не впервой.

Наживку я покупал всегда в дороге, и старался ее домой не привозить после рыбалки, тщательно все проверяя, так как один раз забыл выкинуть опарышей и припер их в ведре со снастями домой. Они отогрелись, и вылупились в огромных зеленоватых мух, которых мы всей семьей гоняли по квартире, не понимая откуда они берутся, взамен убиенных. Потом сообразили, и уже жена с дочкой долго и весело, разъяренные, гоняли меня по квартире чем только под руку попадется. Ухххх, и огреб же я тогда. Сам я одет как уже говорил в джинсы, клетчатую рубашку с длинными рукавами и легкую ветровку, как вы уже поняли синего цвета. В карманах сумки обнаружились еще ключи на машину, а в кошельке лежали документы и несколько купюр, а также карточки банковские и маленькие фотокарточки всех членов моей семьи. На них я старался не смотреть, чтобы опять в истерику не впасть.

Так, что-же мне все это дает? А дает это мне то, что я могу с достаточным комфортом расположиться на несколько дней прямо хоть на этой же поляне, не страдая от голода и холода, даже не рыбача и не охотясь, что маловероятно, а если даже просто рыбача, то достаточно долго. Нужно ли мне это? Нужно. Вдруг эта дверь, или портал, или еще #чертзнаетчто, в ближайшее время откроется и меня перенесет обратно, а если нет, то я по крайней мере осмотрюсь в ситуации, подготовлюсь к путешествию, да и успокоюсь, чего греха то таить. Состояние у

меня сейчас не ахти. Я только что сообразил, что, находясь здесь уже несколько часов, еще не разу не покурил. И тут же захотелось курить, да так, что как говориться, «уши в трубочку свернулись».

Скала, на уступе которой я расположился, была частью небольшого, как мне показалось, горного массива, отделявшего дикий лес, из которого я вышел, от бескрайней саванны, простиравшейся на многие километры вокруг, по крайней мере настолько, насколько хватало моих глаз, вооруженных биноклем. Лес, занимавший еще некоторое, совсем небольшое, пространство возле скального массива, постепенно, километра через два-три переходил в то, что я для себя окрестил как саванна. Выглядело это как степь, перемежавшаяся отдельно стоящими крупными деревьями, либо небольшими группами кустарников и мелких деревьев, ровная как стол, и уходящая за горизонт. Своеобразной границей, между лесом и саванной была большая и полноводная река, которая текла слева направо, и в которую скорее всего впадала и та речка, на которой я обосновался, когда только попал в этот мир. Кстати, название ей я для себя так и не дал, речка и речка, хотя по своим размерам она ненамного уступала этой реке, странно, названия давать всему что попадется я люблю. Слева обзор перекрывал тот самый город, на который я любовался уже пару часов, после того как забираясь вверх, чтобы «улучшить обзор окрестностей», сначала увидел его, а потом обнаружил природную площадку, на высоте где-то трех сотен метров от земли. Обнаружил ее случайно, и очень рад был этому. Площадка была метров трех в окружности, условно, конечно, так как естественно не обладала фигурой ровного круга, но примерно такая по площади. Перед обрывом образовался природный бруствер, неровный и не до конца уступа, такая знаете природная ограда, «на половину балкона». Зато наблюдать из-за нее можно было не опасаясь быть замеченным, хоть из леса, хоть из города, буде у них приборы, аналогичные моему биноклю, и даже в том случае, если вдруг оптика у них получше. Получилось идеальное место для наблюдения.

Сам город, который обосновался в излучине реки, с трех сторон окруженный водой, а с другой лесом, и скальным массивом за ним, я увидел где-то на середине подъема, и потом уже поднимался с единственной целью, понаблюдать за ним. Хотя лес за городом, скорее всего использовался как парк, объединенный в общее пространство города, но отсюда разглядеть это не представлялось возможным. Сам город как-бы прижимался к скальному массиву, отгородившись рекой, полностью завладев естественным карманом, образовавшимся руслом реки. А вот смотрел город на саванну, да и вся его деятельность распространялась похоже на нее. Перед городом река немного

сужалась, оставаясь в ширине не более пятидесяти метров, что позволило жителям перекинуть через нее пару крепких и широких мостов, и судя по башням посередине каждого из мостов, они были разводными, на случай нападения, видимо.

В саванне же видны были пятна разнообразных полей вернее их самый край, скорее всего они уходили левее, и сейчас были не видны за силуэтом города. Правее и прямо передо мной по саванне проходила дорога, у самого горизонта, как я смог разглядеть, разветвляясь на три направления. По саванне бродил явно домашний скот, по дороге двигалось несколько караванов, как в сторону города, так и от него. Удивляло то, что вокруг города не было видно ни одной маломальской деревеньки, только изредка, среди пространства полей и особенно возле дорог, виднелись невысокие постройки, сделанные из цельных каменных глыб, что-то вроде крымских дольменов, только размером несколько побольше, да и просто длиннее, как школьный пенал, с небольшим отверстием в торцевой стене. Причем отверстие было не круглым, а продолговатым, узким и также не высоким, так, чтобы человек хоть и мог протиснуться в него, но только с трудом. Как я смог оценить, длина этих каменных пеналов-дольменов была с десяток метров, ширина где-то метра два, а высота не больше полутора метров. Функциональность же их я определить не смог, все просто проезжали мимо. Может гробницы, или молельни какие-нибудь. Наблюдать было интересно, да и практически безопасно, так что я решил побыть на данном уступе побольше, желательно пару дней, так как еда и вода у меня с собой были, а вот реакцию местных жителей на чужака предсказать я пока не мог. Понаблюдаю пока. Устроившись поудобнее, так, чтобы можно было смотреть на город и суету вокруг него, я опять вернулся мыслями в тот день, когда оказался здесь.

Покурив, и съев бутерброд, я занялся обустройством лагеря. Первым делом, срубив небольшое деревце, соорудил из него и ножа Спорт 1 копье, и таскал его постоянно с собой, закрепив на петле на поясе и прилепив скотчем к рубашке на рукаве. Получилась двухточечная достаточно свободная фиксация, и при должном усилии копье легко выхватывалось. Хотя скорее сулица, а не копье, вернее даже ближе к сибирской пальме. Тут я решил немного подстраховаться, и при выборе древка остановился на том, которое раздваивалось на одном из концов, практически одинаковыми по толщине ветвями. Мне повезло найти такой, у которого одна толстая вервь уходила под углом градусов в сорок к основному стволу. Обрубив его, я получил копье с небольшой естественной перекладиной, на случай нападения чего-либо крупного, да и рукоять ножа получила достаточно крепкий упор. Насколько мне это помешает или поможет не знаю, я все-таки не охотник, и на медведя не ходил, но может это остановит

тело прыгнувшего и скользящего по древку ко мне крупного зверя. Не знаю, не специалист, просто так мне спокойнее. Сделал еще одно копье, легкое и подлиннее, чтобы метать его издали. Его оставил у дерева. Все свое барахло распределил следующим образом, самые ненужные на первое время вещи, такие как ключи от машины и документы, я сложил в пакет, обмотал скотчем и спрятал в дупле дерева, стоящего на другом конце поляны, такой же раките, только поменьше, само дупло обложив ветками и замаскировав. Размотав палатку, я снял с нее внешний тент, и расстелив ее на земле, начал обдумывать как ее закрепить на дереве, чтобы организовать себе спальное место.

Тут я аж присел, так как неподалеку в лесу раздался чудовищной силы рев, напоминающий рычание льва, и сразу же в ответ, с другой стороны поляны раздался точно такой-же, словно участвуя в беседе. Да-а-а, правильная мотивация существенно повышает производительность труда. Я перетаскал все вещи на дерево, при чем в три захода в исключительно короткие сроки, мне показалось, что на подъем с вещами, на высоту около пяти метров у меня уходило не больше трех секунд, на спуск и того меньше. Хотя мне было и страшно, и даже когда забравшись первый раз, и вроде уйдя от опасности, можно было больше и не спускаться, я все равно слезал еще два раза за остатками вещей, правда тратил каждый раз несколько секунд сидя на дереве, на внутреннюю борьбу жабы и кролика. Но жадность и природное хомячество каждый раз побеждали страх, и я опять спускался за своими вещами. Потом правда поднимался очень быстро. Очень. Повезло мне еще и в том, что, проверив все вещи, и отделив ненужное, я опять сложил их в рюкзак, чехол от палатки и сумку, собираясь поднимать все это наверх. Только палатка лежала отдельно. Была, так сказать определенная личная заинтересованность в том, чтобы я передвигался оперативно, так как рев прогремел еще один раз, и уже существенно ближе ко мне. Мне, повезло, что первые горизонтальные ветви ракиты, приютившей меня, находились на высоте около четырех метров, и то, что я, когда первый раз залезал на дерево, чтобы осмотреть окрестности, устроил себе что-то вроде перил, просто висящая длинная палка, одним концом закрепленная выше нижней ветви, другим спускавшаяся к подножью дерева, не доходя до земли метра полтора. Вначале мне пришлось закидывать на дерево веревку, оборудованную на конце грузилом и большим тройником, а потом уж, я привязал длинную оглоблю, валявшуюся под деревом, и когда в первый раз поднялся по веревке, просто подтащил ее наверх, примотав за один конец к одной из ветвей, где-то метра на полтора выше нижней ветви.

Таким образом, я получил зафиксированную вверху жердину, свободно свисающую вниз, хватаясь руками за которую, можно было перебирая ногами

свободно подниматься по вертикальному стволу. Мы так делали еще пацанами, когда оборудовали на каком-нибудь дереве свое убежище-гнездо, удобно и в глаз не бросается в лесу, так как ветка естественно смотрелась, и обнаружить такой лаз можно только зная место и целенаправленно его искав. В моем возрасте, напоминаю – мне сорок пять, это та еще физкультура, но я не планировал подниматься на дерево чаще чем пару раз за день, зато безопасность, особенно ночью, существенно повышалась. Сейчас же мне пришлось проделать это несколько раз, да еще и с грузом, так что, закончив подъемы я дышал как паровоз, воздух вырывался из груди судорожными всхлипами, а сам я весь взмок и сидел в разветвлении ветвей дерева с трясущимися руками и дрожавшими коленями. Перед глазами плавали разноцветные круги, а рядом валялись кое-как сброшенные вещи. Хорошо, что ничего не свалилось вниз, рюкзак правда попытался, но зацепился лямкой за сук, и я, как увидел, на автомате тут-же подтянул его к себе.

Бок нещадно болел, так как в первый раз я ломанулся на дерево с прикрепленным к предплечью копьем, оно, естественно, тут же освободилось из-под скотча, которым фиксировалось символически, соскользнуло по петле вниз, и при подъеме на дерево пропороло мне бок. Обматерив себя за такое дурацкое изобретение, которое чуть меня же самого и не убило, я оставил его в ветвях после первого же подъема, чтобы избежать таких проблем в дальнейшем. Но сейчас они уже были, бок сильно кровоточил, и я просто зажимал его рукой, собираясь обработать и перевязать позже. Второе копье осталось внизу. Тут на поляну с разных сторон выскочило два громадных зверя, и сразу возникло ощущение, будто своим ревом они переговаривались, координируя свое перемещение, чтобы окружить меня и одновременно напасть, не дав места маневру. Звери впечатляли. Представьте себе снежного барса, не уступающего по своим габаритам льву, с огромными, выступающими вниз клыками, правда окрашенного в черно-зеленый цвет. Эдакий стиль «милитари» от природы. Вблизи мощь их просто поражала, это вам не по телевизору на льва смотреть, впечатление совсем другое. Я помню, как в Новосибирском зоопарке увидел льва вблизи, он тогда был в зарешеченной вольере, и подойти к нему можно было на расстояние около трех метров. Он даже не рыкнул, так побурчал немного, а я уже чуть не обделался, хоть и понимал, что он за решеткой и для меня безопасен. Есть что-то ввергающее в страх в их рыке, и ни один телевизор это не передаст. Так вот, эти экземпляры производили еще более мощное впечатление. Впоследствии я для себя окрестил их гринбарсами, за их зеленые пятна и схожесть общую с нашим снежным барсом. Только они были крупнее, намного крупнее.

Скорее всего это была семейная пара, хотя у нас на Земле кошачьи жуткие индивидуалисты, и живут по одиночке, но даже и там есть исключения, это львы, которые живут прайдами, и рыси, которые как раз пары и составляют. Не знаю, я как-то сразу решил, что это самец и самка. Запах крови привлек их к дереву, на котором я сидел, и самец привстал на задние лапы, оперевшись на ствол передними, словно пытаясь залезть на дерево, или может просто хотел получше разглядеть свой обед. Вот тут я уже испугался по-настоящему, так как знал, что даже крупные кошки могут лазать по деревьям. Да-а-а, как-то на больших кошачьих, забирающихся на деревья, я не рассчитывал, когда принимал решение обосноваться в ветвях. Похоже, меня сейчас сожрут.

Глава 2.

В саванне и в городе было без изменений еще около часа, а потом вдруг что-то резко произошло. Со стороны казалось, что все вокруг такое-же, но над городом вдруг раздался громкий сигнал горна, было видно, как его жители спешно исчезают с улиц и стен, части моста, как я и догадывался, оказались разводными, и уже начали подниматься, оставляя не успевших въехать в город караванщиков отрезанными от него. В саванне же происходило и вовсе странное, пастухи и караванщики, побросав весь свой скарб и вверенный им скот, ломанулись в сторону пеналов-дольменов, и добежав буквально влетали в них, наверняка обдирая бока и одежду. Пасшийся скот, и тот, чтобы был в караванах, как верховой, так и гужевой остался понуро стоять там, где его бросили хозяева. Странно. Но и хозяева успели не все.

Сначала я увидел в небе несколько точек со стороны повернувшегося уже на закат светила, которые резко увеличивались в размерах, и двигались по направлению к городу и его окрестностям. Приближались они стремительно, и уже через несколько секунд стало понятно, что это летающие рептилии, похожие на птеродактилей. Почему-то они не нападали на животных и скот, а сразу же ринулись к фигуркам разумных, спешивших в укрытие. Причем они не пытались схватить их зубами или когтями, а сначала явно чем-то в них стреляли или кидались, было далеко, и этот вывод я сделал из того, что фигурки бегущих в укрытия либо сразу падали, просто сносимые какой-то силой, либо резко замерев, валились на бок. Несколько смельчаков, укрывшись под деревом, попытались оказать сопротивление, и даже сбили одного из нападавших, расстреляв его по-видимому из луков, но тут в их сторону спикировало

несколько летающих динозавров, и, запуская в нижней точке пике огромные камни по дуге прямо под дерево, буквально завалили их. Размером рептилии, по моей оценке, превышали тех, на кого нападали раз в пять, но точно сказать не могу, так как находился довольно далеко от эпицентра событий. Что характерно, к дольменам они не подлетали совсем, видимо уже были знакомы с данными сооружениями и понимали, что бесполезно. А вот тем, кто не успел в них укрыться, приходилось несладко. Мне показалось, что в небе кружило и нападало на бегущих разумных (буду называть их пока так, так как на данный момент не смог оценить их внешность, напоминая себе, что возможно это и не люди) несколько десятков летающих птеродактилей, я их так называю, потому что не могу пока подобрать соответствующую ассоциацию. На самом деле, насколько я смог рассмотреть, это были скорее летающие ящерицы, это как будто взяли обычную ящерку, из среднечерноземья РФ, ту, у которой отваливается хвост, увеличили ее в несколько раз, и приделали на ее спину крылья.

При этом все говорило о том, что они разумны, ну хотя бы то, что они несомненно использовали как метательное оружие, так и просто различные подручные средства, так и то, как они нападали, а также то, что не трогали скот и тягловую скотину. Явно, они напали не для того, чтобы просто пожрать. Хотя изначально я подумал именно так, стереотипы в моей голове приписали нападавших к простым хищникам. Но это был скорее эпизод какого-то конфликта, причем конфликта разумных существ, так как нападавшим было нужно извести как можно больше живой силы противника. Мне показалось, что битва идет именно на взаимное уничтожение. И летающие ящерицы пока успешно с этим справлялись. Другая часть нападавших кружила над городом, наблюдая за ним, и не зря. Город в стороне не остался. Сразу с нескольких башен были произведены выстрелы из каких-то орудий. Я это понял по результату залпа, так как его самого я не увидел. Просто несколько летающих ящериц были буквально снесены с небес залпами то ли псевдокартечи, то ли стрел и огромных камней. Было похоже на то, что горожане закладывали в свои метательные орудия как цельные крупные камни, так и россыпь мелких, что позволяло им увеличивать поражающую способность выстрела. Хватало видимо и простых стрелометов. Ситуация в битве сразу изменилась, теперь уже нападавшие пытались ускользнуть и подняться повыше в ответ на обстрел из города. Но и у них был камень за пазухой, прямо с неба на город будто упало несколько эскадрилий, которые буквально засыпали его вязанками с горящими ветвями, а также просто громадными камнями, переносимыми сразу четверыми рептилиями. Камни и ветки располагались видимо на сетках, натянутых между ними. Причем ориентированы они были на те площадки, откуда производилась

стрельба. В момент подлета передняя пара, очевидно, просто отпускала сеть, по крайней мере так мне удалось рассмотреть.

Сражение развивалось и становилось все более ожесточенным, существа гибли как с одной, так и, с другой стороны, город уже дымился в нескольких местах, а те из двуногих и нелетающих, которых нападение застало в саванне, все уже либо попрятались в дольмены, либо были уничтожены. Вести стрельбу из дольменов они явно не могли, обороняя только вход в них. Как ни кощунственно бы это не звучало, но это было даже по-своему красиво. Звуки битвы до меня почти не долетали, а разворачивающее передо мной зрелище хоть и было кровавым, но все-таки, с такого расстояния, смотрелось очень красочно. Траектории полета, пике, развевающиеся в свете уходящего светила и дымовой завесы флаги, все это походило на ожившие картины из сказаний и легенд, а расстояние скрывало и сглаживало всю нелицеприятность такого сражения, с его вспоротыми кишками, кусками тел, запахом крови и внутренностей.

Все это меня не касалось, я сидел на карнизе на скале, наблюдая за битвой со стороны, как в кино. Очень будоражащее и впечатляющее зрелище для меня, а не для его участников, естественно. Битва продолжалась еще с полчаса, потом над сражением прозвучал длинный переливистый рев, явно какой-то сигнал, и все летающие резко взмыли вверх, выстроились в клин, и удалились в сторону садящегося светила. На земле остались лежать мертвые тела как нападавших, так и караванщиков, и защитников города. Над городом и некоторыми дольменами поднимались клубы дыма, повсюду царили разруха и уныние. Только где-то через полчаса подвергшиеся нападению с неба решились на то, чтобы выйти из укрытий и опустить ворота города. Они разбрелись по саванне собирая убитых и сжигая на кострах тела погибших ящериц. Тела своих соплеменников свозили в город, пожары в котором уже были потушены. Скот также отогнали куда-то, караваны продолжили движение, каждый в своем направлении, и буквально через час-полтора о сражении напоминало только несколько громадных, чадящих кострищ. Опустив бинокль, я уселся поудобнее и попытался провести некоторый экспресс-анализ происходящего. Так как я не знал ни одну из сторон, то мог оценивать все как-бы со стороны, беспристрастно, как сторонний наблюдатель, кем я безусловно на данный момент и являлся. Что же происходило на моих глазах? Похоже в этом мире существует как минимум две разумные расы, ну по крайней мере я уже видел, что их две. Вот же оборот, а! Еще вчера я думал, что один на всей планете, что она населена только дикими животными и тут сразу две! И такие разные.

Внешний вид одной из виденных мной рас был настолько отличен от моего, да к тому же настроен враждебно по отношению к похожим на меня представителям другой расы, что я вроде бы должен был автоматически попасть к ним в антагонисты, и примкнуть, по крайней мере постараться, к представителям двуногой прямоходящей расы, на которую они нападали. Вроде бы. Но мне уже не пятнадцать лет, слава Богу, и я понимал, что внешность еще ничего не значит, и, хотя я и стал свидетелем нападения именно летающих ящериц на жителей города, то предпосылок, подвигнувших их на это, я не знал. Здесь могло быть что угодно, от элементарного бандитского нападения, до мести за какое-нибудь беззаконие со стороны как раз жителей этого города. Так что поспешных выводов делать пока не буду. Хотя, если посмотреть в будущее, то скорее всего совместного именно будущего у меня с ними нет, слишком разные виды, и соответственно совершенно разный менталитет. Как раз ящериц мне удалось рассмотреть более или менее подробно, так как совершая свои маневры они несколько раз пролетели в достаточной близости для возможностей моего бинокля. Красивые, и вместе с тем, пугающие создания. Громадные перепончатые крылья, гибкое тело ящерицы и голова, напоминающая голову китайских драконов, вся в шипах и роговых наростах. Повторюсь, красиво и страшно одновременно.

А вот двуногих жителей города рассмотреть мне не удалось, кроме того, что они строением тела похожи на меня, те же две руки, две ноги и голова. А вот подробностей на таком расстоянии мне не было видно. Да и рост я определил, как соответствующий моему только на основании того, что они находились рядом с животными, очень похожими на лошадей и коров, которых я почему-то сразу приравнял к тем размерам, которые были у их собратьев на Земле. Этому были причины, так как весь животный мир, встреченный мной за время своего здесь пребывания в принципе соответствовал размерам моего мира, выделялись величиной только деревья, что можно было отнести к тому, что их просто не вырубали так интенсивно, как на Земле, и это позволяло им расти долго. Вот поэтому я и определил рост двуногих как соответствующий моему. Это для меня плюс, так как есть высокая вероятность того, что это люди. И это меняет все!

Я много думал на эту тему после того, как оказался здесь, в этом мире. Какова вероятность, что на этой планете я один, какова вероятность встретить здесь людей или каких-то иных разумных существ? От этого зависит многое, если не все. Предположим, что я здесь один, и разумная жизнь еще не сформировалась на этой планете. По теории Дарвина она, конечно, должна была возникнуть, но что мы знаем об этом? Человечество на Земле уже вовсю летает в космос, к соседним планетам периодически направляет свои летательные аппараты,

прогресс достиг невиданных высот, а вот тайну возникновения разумной жизни мы так и не разгадали. Есть, конечно, версии, но лично меня, пусть и не оголтелого атеиста, но все-таки человека с прагматичным складом ума, ни одна из них не убедила. Ни религиозная, ни научная. Слишком много вопросов. Встретить здесь людей с научной точки зрения невозможно, даже если будем иметь внешнее сходство, все равно это будут разные виды. Можно, конечно, предположить, что человечество развивалось и появилось хотя и в результате эволюции, но распространялось по параллельным мирам именно через порталы, или проходы какие-либо. Так сколько же людей должно было попасть в другой мир, чтобы человечество закрепилось в нем, а не вымерло от деградации через несколько поколений? Тысяч десять? Так по крайней мере говорят ученые. И сколько этих миров? Если есть хоть еще один, то почему не может быть их десяток, или сотня? А пропажу такого количества людей человечество бы заметило. Хотя в истории вроде бы было несколько фактов исчезновения целых народов, я не говорю уж про исчезновения отдельных людей.

Это то как раз и вселяет надежду, так как в возникновение заново точно такой-же расы людей, но на другой планете, я просто не верю. Невозможно такое с точки зрения науки, все равно будут различия, и серьезные на генетическом уровне. Так что нужно, мне нужно в первую очередь, чтобы это был именно параллельный мир. Хотя похожая, а иногда практически идентичная растительность, и во многом схожий животный мир, и указывает в пользу этой версии, но это все же не факт. Как и вообще сама возможность наличия параллельных миров. Как говорится, нет доказательств. Вернее, не было в моем мире. Да и перенос на другую планету в моей реальности выглядит не менее фантастично, хотя о телепортации в наше время все больше говорят, как о ближайшей перспективе. В такой вариант я верю больше, хотя он для меня и катастрофичен, в силу вышеизложенного.

Тут у меня разыгрался аппетит, и я решил перекусить. Достав из рюкзака припасы, я разложил их на своеобразной скатерти, бывшей когда-то моим плащом, который я раскроил, получив из него несколько очень полезных вещей. Итак, что у меня сегодня на ужин? Последняя рыбина, запеченная на костре, ее надо съесть, иначе скоро пропадет, несколько полосок сильно прожаренного мяса дикого поросенка, подстреленного мной из лука, его много, и оно продержится еще несколько дней, так что его лучше отложить на следующий прием пищи, несколько пучков дикого лука и щавеля, а также травки, очень похожей по виду и вкусу на наш укроп, только мельче, тоже дикого. Несколько гостей орехов, напоминавших мне наш, обычный лесной орех, лепешки из полбы, дикой пшеницы, которой я насобирал много в первые же дни, чтобы напечь хоть

какое-то подобие хлеба, с десяток сваренных яиц, по размерам немного превосходящих куриные, на которые я наткнулся прямо на земле, на одной из больших полян, заросших высокой травой, пока добирался сюда, ягоды и компот как во фляге, так и в пластиковой бутылке, помнившей еще тот, родной мне и ей мир. Также еще оставались: пара банок тушенки, немного крупы, как из местных растений, так и остатки гречки, штуки три бич-пакета, соль и специи. Перекусив рыбой и яйцами, я начал устраиваться на ночлег, так как сытая еда и мощные впечатления сделали свое дело, и меня просто вырубало. Но я, собрав волю в кулак, постарался обезопасить свое временное пристанище. На тропе, ведущей к карнизу, чуть ниже его, я сплел что-то наподобие паутины, перекрывавшей тропу, прикрепив к ней систему сигнализации, состоявшую из колокольчиков, бывших когда-то в моем рыбацком наборе. Такая система по крайней мере сможет меня предупредить, если полезет какой-нибудь зверь, и заденет ее. А защититься от разумных у меня на 100% возможности все равно не было, только темнота, скрывающая мою «паутину» и чуткий (теперь уже очень чуткий) сон, смогут помочь мне проснуться и подготовиться к встрече. Обезопасив себя по возможности, я расстелил на камнях пенку, сунул рюкзак под голову, и накрывшись одеялом, бывшим когда-то бортом палатки уснул.

Гринбарс смотрел на меня и легонько, как ему казалось порыкивал, рассматривая в ветвях «добычу» и вероятно оценивая, как меня оттуда сковырнуть. Самка сидела рядом, метрах в двух от него, в классической кошачьей позе, обмотав передние лапы хвостом, прядая кисточками ушей на каждый звук, издаваемый ее самцом, ну просто ми-ми-ми кошечка из интернета, если не учитывать размер и окрас. А я судорожно копался в сумке, пытаясь достать кольцо (кольцо из свинца для ловли леща на глубине, этакий невысокий цилиндр, скорее большая таблетка, грамм 100 веса, с двумя отверстиями, маленьким, для лески и большим, для скольжения по основе, прикрепленной к грузу), чтобы сделать кистень. Не знаю почему, но мне показалось это хорошей идеей. Примотав к куску веревки, длиной сантиметров семьдесят, это кольцо, и закрепив другой конец петлей на своей правой руке, свесившись с ветки я со всей силы взмахнув кистенем попал хищнику по лапе, ближе к суставу у предплечья. Случайно попал, да и замах в ветвях не получилось сделать полноценным, поэтому и удар получился не сильным. Но это заставило зверя отпрянуть, недовольно мявкнув, что дало мне время обмотать веревку вокруг ствола и привязавшись за пояс немного свесится по направлению к земле. Кистень я тут же перекинул на левую руку, а в правую взял оглоблю, служившую мне перилами, сразу почувствовав себя намного увереннее. Теперь попробуйте меня возьмите гады, я даже зарычал на них, словно бросая вызов.

Сейчас поднялась и самка, и звери закружили около дерева, посматривая на меня и немного порыкивая. Здесь мне немного повезло, так как ветви расположились так, что просвета, позволяющего влезть на то место, где я расположился, было всего два, в одном висел я, другое располагалось со стороны речки и обрыва, пусть и небольшого, но, однако не позволяющего залезть на дерево с той стороны. Со всех других сторон ветви, как крупные, так и не очень образовали такую мешанину, что если учитывать еще и что-то в виде плюща на них, то пролезть через них не предоставлялось возможным зверю такой величины. Это и хорошо, иначе мой рассказ закончился бы прямо сейчас, а я тихо и спокойно переваривался бы в желудках этих несомненно красивых, но все-таки хищных зверей. Тут самка прыгнула, причем мгновенно перестроившись, вроде только что просто шла по кругу, и вдруг прыжок. Спасло меня то, что я чуть ранее приподнял оглоблю, и мне оставалось только довернуть ее в направлении прыжка, и то, что я машинально взмахнул кистенем. Оглобля уткнулась в плечо кошки, соскользнула по моей руки, обдирая кожу с ладони, и уперлась в ствол дерева позади меня, остановив несущиеся на меня пару центнеров ярости, а удар кистеня, пришедшийся ей в другое плечо, еще и опрокинул хищницу, не дав ей закрепиться когтями за ствол.

С громким рявком она грохнулась практически с трехметровой высоты, и скатилась к воде. Другой гринбарс тут же попытался залезть на дерево «в обнимку», но я не давал ему это сделать, толкая его оглоблей, спасающей уже, в который раз мою жизнь, периодически пытаясь нанести ему удары кистенем. Тут у меня соскользнули ноги, и падая, я буквально врезал ему кроссовками по нижней челюсти, отбросив его от дерева этим ударом, усиленным крутящим моментом, образовавшимся от моего падения. Центром вращения оказался мой пояс, за который я закрепил веревку. Меня существенно приложило о ствол, к тому же я ударился, кто бы сомневался, как раз порезом на боку и меня чуть не разорвало от резкой боли. По-моему, я даже заорал, но оглоблю каким-то чудом не выпустил, и сразу же полез наверх от страха, что в мои ноги сейчас вцепятся когти или зубы охотящихся на меня хищников, попутно ударяясь головой обо все ветки, до которых только смог дотянуться.

Весь в крови, скрюченный от боли, я забрался на спасительную площадку среди ветвей и оглянулся в поисках своих врагов. Мне повезло, невольный мой удар ногами в пасть гринбарса, отбросил того вниз, к своей самке, и они оба находились сейчас на пляже, у самой реки. Оба уже были на ногах, и обнюхивались, словно осматривая друг друга на предмет травм и повреждений, причем один из них в процессе постоянно поглядывал на меня, контролируя. Потом опять резкий всплеск, и в два прыжка они снова оказались под деревом.

Встав у подножья дерева, задрали морды и одновременно угрожающе проревели в мою сторону, как бы говоря «мы тебя еще достанем», или «не прощаемся, мол», и резко развернувшись словно растворились в лесу. Фуу-у-у-у-х. Я сел поудобнее, свесив ноги и постарался отдышаться, кровь капала с рук и стекала по штанине по ноге. Меня всего трясло, даже колотило от испытанного напряжения и всплеска адреналина. Бок и руки саднили. Посидев пару минут, я дрожащими окровавленными руками стал снимать с себя рубашку, чтобы осмотреть и перевязать рану. Спускаться с дерева я побоялся, поэтому мне пришлось пройти по горизонтальной ветке, которая нависала прямо над водой, и соорудив из пакета, веревки и грузила своеобразное ведро набрать и поднять вверх воду из реки. Умывшись и промыв рану на боку, я увидел, что порез от копья не глубокий, да и длиной сантиметров десять всего, просто мои резкие движения при разборках с желающими мной перекусить, заставили его так обильно кровоточить. Руки же пострадали также не сильно, так что можно сказать, что мне несказанно повезло, и я вышел из схватки с превосходящими силами противника практически без потерь.

Промыв и обработав рану йодом, я свел ее края прямо пальцами, и приложив к порезу сложенный в несколько раз кусок бинта, тот же, которым обмазывал кожу вокруг пореза йодом, залепил пластырем в несколько рядов и слоев прямо поверх раны и тампона из бинта. Сказать, что искры летели из глаз, не сказать ничего, было адски больно, но терпеть боль я умел всегда, поэтому справился. Сверху я обмотал все бинтом вокруг пояса. Одев другую рубашку и штаны, я принялся за уборку в своем новом доме. Несколько раз используя получившееся ведро я постарался отмыть пятна крови, чтобы не привлекать мух, кое-где просто срезая участки коры ножом. Потом посидев немного, все еще остывая, я сделал несколько глотков водки, прямо из горлышка пластиковой бутылки и закурил, чувствуя только сейчас, что меня отпускает, страх уходит и вместе с этим приходит понимание того, что мне чертовски повезло, и я остался жив. Отбился, отбоярился от двух мощных зверей, я – человек 21 века, уже не молодой, насквозь испорченный городом, сигаретами, пивом и мягкими постелями, комфортом, отсутствием необходимости физически отстаивать свое право на жизнь – справился! В нужный момент откуда-то все необходимое во мне нашлось. Обалденное ощущение. Я даже подскочил на ноги и громко заорал во все горло, заявляя всем – я здесь, и я никого не боюсь. Перло из меня что-то звериное, я даже благодарен стал этим двум зверям, которые указали мне на него.

С тех самых пор я всегда хорошо относился к гринбарсам, с большим уважением, даже тогда, когда мне приходилось убивать их, защищая свою жизнь, или жизнь

близких мне разумных. Откуда-то издалека, по направлению, в котором скрылись гринбарсы, послышался ответный рев, видимо мои оппоненты решили таким образом ответить, напоминая мне, что ничего не забыли. Но мне было по барабану! Успокоившись, покурив еще раз и еще немного отхлебнув водки я стал обустраиваться на дереве. Вниз я пока не спускался, только это уже был не страх, а простая осторожность. Первым делом я забрался повыше и нарубил там несколько веток, соорудив из них что-то вроде ежа, привязав его на направлении, по которому был единственный подъем на дерево, перекрыв им его практически намертво, при этом на постоянку он был закреплен только с одной стороны. Получилась своеобразная защитная дверь, которую можно было откинуть, и свободно спускаться или подниматься на верх. Немного помудрив с веревкой, я сделал так, что, уходя надолго, я мог опустить его с земли, закрывая таким способом свой дом от крупных зверей, так как множество острых кольев, направленных вниз просто не дадут им подняться.

Также я приделал перилу (пусть простят меня хранители и ревнители великого и могучего, но я не знаю, как еще ее назвать, а интернета или просто словаря у меня под рукой нет) и со стороны прохода среди ветвей, ведущего к реке, также разместив здесь конструкцию, которую для себя назвал ежистая дверь, только уже из веток потоньше. Из обрубленных веток и веточек я усилил естественные дебри по всем другим направлениям по кругу от того места, где начиналась крона дерева, и замаскировав в них острые колья, обезопасил себя от вторжения снизу. Также я по всем направлениям развесил на ветвях колокольчики, которых у меня был с десяток, обычные колокольчики, используемые рыбаками как сигнал о поклевке на донных удочках. Решив проблему безопасности, я принялся создавать, если можно так сказать, обстановку своей квартиры. Вниз все равно пришлось спуститься, чтобы подобрать копье, которое забыл, спасаясь от нападавших зверей. Также я, постоянно оглядываясь сходил к ручью, который заметил с дерева, и который стекал в речку небольшим водопадиком, шагах в десяти вверх по течению реки, вот по шуму то я его и обнаружил. Этот ручей стал для меня «магазином драгоценностей», так как тут была чистая вода и плоские камни. В месте падения воды ручей вымыл несколько таких камней разных размеров, часть из которых я перетаскал на дерево, выложив из них очаг в самом центре площадки, образованной разветвляющимися крупными ветвями, причем снизу я прилепил ком из глины, которую наковырял из обрыва, рядом с тем же ручьем. Так себе глина, конечно, но для основы, на которую я уложил камни очага, вполне подходила.

Уже вечерело, но я почему-то совсем не боялся, уже спокойно умывшись в реке и простирав наскоро всю испачканную одежду, я забрался на дерево и запалив

небольшой костерок, стал готовить себя кашу, из малого количества крупы и большого количества тушенки, по сути, вальнув в котелок целую банку. Как я понимал, с основными блюдами проблем не будет, а вот гарнир, то есть крупу и макароны надо беречь. К тому же банка, из-под тушенки, как емкость, мне ой как пригодится. Приготовив кашу, я повесил ее на сук остывать, а сам занялся обустройством постели и крыши над ней. Пришлось побыть обезьяной, да и рану я опять растеребил, но зато теперь у меня у меня была удобная кровать, в виде гамака из днища палатки, а также шикарный балдахин над ней, сооруженный из верхнего тента палатки, натянутого в полутора метрах выше моего ложа. Внутрь я постелил пенку, рядом повесил и закрепил рюкзак на суку, образовав таким образом сразу и тумбочку, и комод, и в итоге получил спальную комнату, достаточно комфортную и безопасную. Одно из ответвлений ветвей мне послужило складом удочек и рыбацкой снасти, а большое дупло, обнаруженное чуть выше – шкафом и сейфом одновременно.

Оборудовав таким образом свое жилище, я уселся на толстой ветке, прислонившись спиной к дереву, и лицом к реке, принялся ужинать, наблюдая за тем, как ночь постепенно спускается на лес, в небе появляются звезды, а две луны (ух ты, а их оказывается две) начинают поливать ночной лес своим светом. Это было чертовски красиво, как будто не наступила ночь, а просто исчезли все цвета, так как видно все было очень хорошо, просто потухли краски. Старшая, так я назвал здоровенную луну, которую увидел еще днем, сдвинулась по горизонту правее и чуть выше, и висела прямо напротив меня. Младшая же, размерами в несколько раз меньше Старшей, и даже меньше нашей Луны, взошла намного правее старшей, и светила чуть красноватым светом, в отличии от серебристого света своей старшей сестры. Природа будто успокоилась, ветер стих, река словно замерла и перестала течь, и только всплески играющей рыбы напоминали о том, что это именно река, а не стекло. Лес на другой стороне реки и за моей спиной замер, словно в предвкушении ночной жизни, готовясь к ней, в воздухе висел аромат трав, спокойный и вязкий, где-то вдали закричали и тут же смолкли птицы.

Я словно плыл над этим лесом и рекой, наблюдая за ними и восхищаясь их красотой. Это было невероятно, после всех перипетий дня, вдруг резко провалиться в спокойствие вечернего леса и окружающую тебя тишину. Я сидел на ветке дерева, лопал первую полноценную еду за весь день, и меня отпускало. Вечерние и утренние часы, когда природа еще дремлет или готовится ко сну, всегда как-то по-особому на меня влияли. Именно сейчас мне стало легче, во мне как будто бы выключили все эмоции, я был спокоен и умиротворен. Передо мной лежал новый, неизведанный мир, впереди меня ждало только новое, а я для

себя был Беллинсгаузен и Беринг, Лаптев и Пржевальский, Кук и Веспуччи в одном лице. Непередаваемо. Я понимал, что будет непросто, где-то глубоко внутри меня затих и только легонько поскуливал маленький зверек скорби по родным и близким, по всему моему миру, в котором я жил до сегодняшнего дня, но внутренне я уже смирился. Вернее, заставил себя смириться, хотя небольшой ручеек надежды еще плескался внутри меня, оставляя мне шанс на то, что завтра, или через пару дней портал сработает в обратную сторону. И именно сейчас, сидя на дереве, ужиная кашей и запивая ее остатками холодного кофе из фляги, я принял решение, что буду обязательно искать людей, если они здесь есть, ну или по крайней мере других разумных. Так как жить в одиночестве это не вариант. Да, поляна чудесная, лес вокруг и речка не дадут мне умереть с голоду, так как я смогу обустроиться даже сейчас, с тем минимумом, что у меня есть достаточно комфортно, а со временем так сыто и лениво в любое время года. Но зачем? Смысл такого существования? Я там часто думал, уставая от людей, работы, Москвы с ее толчеей и хамством, столпотворением и вечным движением, что хочу уехать куда-нибудь в глушь, где нет людей, и пожить там год или даже два. Даже реально планировал как-то такой дауншифтинг. Но всегда что-то останавливало. И вот теперь – нате Вам! Правильно говорится, по-моему, в Библии, точно не помню, что ни одно из наших желаний не дается нам без возможности его исполнения. И вот далось! И что с этим делать теперь? Как жить одному? Я даже не говорю про любую болезнь или травму, и все, загнешься. Я про зачем? Смысл такой жизни? Пожрать, поспать и сдохнуть? Как хомячку? Нет, не для меня. Поживу здесь какое-то время, месяц-полтора, а потом пойду вниз по реке искать в идеале людей, а не повезет, так просто разумных существ. Авось не убьют при первой же встрече, и в рабский загон не засунут. А вообще, надо быть оптимистом, как там говорят – даже если тебя съели, у тебя все равно есть два выхода. Приободривший себя таким образом я завалился спать.

Утро на скале началось с гомона птиц и прочего лесного шума. Те, кто говорят – поеду на природу, послушаю тишину, никогда на природе не были. Тут чтобы тишину найти, здорово постараться нужно, и то, ненадолго она приходит. Природа же всегда в движении, всегда что-то, да и происходит. Или еще хлеще, за тишиной в деревню ехать. Тишина у нас в городской квартире, а в деревне коров в четыре утра выгоняют в стадо, живность вся с рассветом просыпается, какая тут тишина нахрен. Да если еще сосед тракторист с утра на работу выезжает, да шайтан-машину свою заводит с матом и с третьей попытки, то тут уж и говорить не о чем. Я встал, умылся из ручейка, который падал со скалы в метре от площадки, хотя его и ручейком то не назвать, так несколько сгруппировавшихся брызг, и стал опять наблюдать за просыпавшимся городом,

параллельно завтракая. Сегодня город был оживлен, сразу с утра из него, как из пробки, вылетело несколько верховых отрядов и понеслось в разные стороны, над городом почти с рассветом зазвучал колокольный звон и раздался рев труб. Явно что-то затевалось, и я решил подобраться поближе и посмотреть. Да и рассмотреть его жителей хотелось повнимательней. Вдруг все-таки люди. Взял с собой только лук и копье, все остальное запрятал в небольшом углублении, завалив отверстие камнями и замаскировав как мог. На всякий случай, если меня поймают, то явно отберут и ножи, и бинокль, и все остальное, а мне бы этого не хотелось. Так-что к городу я пошел налегке.

Нет, не люди.

Я лежал в кустарнике, недалеко от крепостных стен, и рассматривал стражников на ней, а также суетящийся народ, которого было много возле ворот. Ворота были шикарные, в три человеческих роста, мощные и окультуренные всевозможными узорами из металла, которым были обшиты. Между городом и лесом была полоса безопасности, метров в четыреста, на которой не росло ни кустика, только ровный ковер из перепаханной земли. Возле ворот, прямо на этой полосе, была устроена ярмарка, вы такие видели, ряд прилавков с крышей. Видимо во время осады их разбирали, или просто сжигали. Я расположился напротив ворот, рядом с дорогой, которая шла прямиком через лес и уходила к реке, по берегу которой я и вышел к этому городу. Возможно там есть мост, не знаю, саму дорогу я уже пересекал, когда подбирался к городу.

Итак, жители. Они напоминали людей только телосложением. Рост и количество видимых конечностей совпадали. В остальном они отличались, и отличались сильно. Во-первых, они были четырехпалыми, три пальца на кисти, и один напротив, почти как у нас большой, только более явно расположенный напротив остальных. Кожа всех оттенков серого, как мне показалось в начале. На самом деле, как я узнал потом, всего их три расы, и отличаются они именно цветом кожи, от светлого серого у жителей севера, до темно-серого, почти черного, у жителей юга континента. Лицо очень на мой взгляд необычно. Я уж не знаю, от кого они произошли, так как своего Дарвина у них явно пока не было, а если и был, то его труд я естественно не читал. Их религия постулирует божественное происхождение, утверждая, что все они, и только они, дети богов. Анализируя их внешность, аналогий в животном мире я не нашел, ни сейчас, так как не обладал информацией о всем многообразии животного мира, ни впоследствии, когда изучил его достаточно полно. Может и в самом деле, дети богов. Кто их

разберет. Голова у них была чуть более крупной по отношению к размерам тела по сравнению с нами, но ненамного. Форма головы была похожа на нашу, а вот лицо и растительность отличалась разительно. Вместо волос у них было что-то вроде игл дикобраза, только более мягких что ли, как иголки на средиземноморской сосне. А вот расцветка как у дикобраза, вернее сама фактура, так как тон и цвет этих иголок варьировались по всей палитре, от белого до черного. Причем по всей палитре, это именно что по всей палитре, так я видел цвет иголок от ярко желтого, до темно синего, причем все это на одной голове. Смотрелось красиво. Лицо. Вот тут отличия просто перли. Во-первых, на что я сразу обратил внимание, это нос и глаза. Нос был костяной, чуть заостренный и загнутый к верху, правда самую малость, я бы сказал, что они все курносые, но вначале я даже подумал, что это рог, но приглядевшись увидел, что костяной была только верхняя часть носа, ноздри тоже присутствовали, там, где им и положено, но крепились они к роговой пластине носа. Выглядело это довольно эстетично, и глаз не коробило. Глаза были большие и круглые, с круглым же зрачком, также, как и волосы всех возможных расцветок. Растительности на лице не было. Рот тонкий, небольшой, губы мелкие и узкие. Зубы как у людей, только клыков больше, по три в ряд. Вообще местные жители были по-своему красивы, а цвет кожи как-бы оттенял, подчеркивал их красоту. Как и люди на Земле они были многообразны и индивидуальны, даже рост колебался в тех же пределах, от 150 см и до двух метров, как мне удалось рассмотреть. А удалось мне рассмотреть их довольно подробно, как и мужчин, так и женщин, так как движуха у ворот была нешуточная, народ сновал туда и обратно по своим делам, знай лежи да рассматривай.

Отличие было в другом.

Их женщины выглядели в одежде и в целом внешне более спокойно что ли, а вот мужчины старались выделиться, как туалетом, так и макияжем. И было заметно, что мужчины больше озабочены своим имиджем, чем женщины. Я даже сначала перепутал, но физиологию не обманешь, более покатые бедра и акцентированно выделявшаяся грудь все-таки помогли мне распределить их гендерно. Их женщины, предпочитали неброскую, но функциональную одежду, а мужчины, за исключением воинов, изгалялись кто как мог. Да и воины не отставали, но на их внешний вид все-таки накладывал ограничение образ занятий. В принципе, вы меня поймете, если представите различия в одежде между мужчинами и женщинами у нас на Земле, ну только не в Москве, конечно. В Москве даже я, прожив там более десяти лет, зачастую не мог сразу определить половую принадлежность некоторых индивидуумов, и мне кажется, что для них и самих это было загадкой. Но не будем о грустном. Одежда примерно соответствовала

нашим представлением об одежде в нашем же средневековье, вот только пуговицы, карманы, разнообразные сумочки и рюкзаки здесь присутствовали. Возможно, они присутствовали и у нас в средневековье, не знаю, не компетентен.

Вооружение также можно было отнести к нашему раннему средневековью, так как воины щеголяли в разного рода доспехах, в руках держали копья и секиры, а на поясе у многих висели мечи. Вообще вооружены были почти все, на ремнях висели ножи и кинжалы всех вариантов размеров и назначений, за плечами у некоторых были луки, шлемы были как на головах, так и притороченные к поясу, но это в основном у военных, которые также таскали на себе разнообразные щиты. Вот кольчуг я не увидел. Еще что я увидел. Странное приспособление, явно военное, в виде палки с кривым набалдашником, загибающимся у основания, иногда металлической, иногда украшенной драгметаллами и красивыми камнями. Мне это приспособление что-то смутно напоминало, но вот что, вспомнить я никак не мог, даже завис немного, погрузившись в себя. Выгрузиться мне не дали. Я увлекся и крепко задумался, и видимо не услышал подкрадывавшихся ко мне сзади. Но тем не менее, как пишут в книгах –, башка взорвалась болью, свет выключили.

Глава 3.

Очнулся я от дикой боли в затылке в каком-то закрытом, и судя по всему подвальном помещении. Окон не было, стены из камня. Помещение было небольшим и освещалось лампой-чадилкой, скорее всего жировой, висевшей у двери, прямо под небольшой вытяжкой, забранной металлической решеткой. На мне осталась только одежда, и то без ремней и шнурков, все остальное изъяли. Я валялся на деревянной лежанке у стены, напротив меня стоял грубый стол, на нем плошка с водой, справа в углу стояло ведро с опилками, сортир скорее всего. Вот и все, больше ничего в камере не было. Крови у меня не было, только здоровенная шишка на затылке, голова немного кружилась и меня подташнивало. Я попил воды и немного умылся. Настроение паршивое, чего уж тут говорить, влип. В отчаяние я конечно впадать не стал, но и ничего хорошего для себя в сложившейся ситуации не видел.

Через два часа, и это по моим ощущениям, ко мне в камеру зашло трое. Впоследствии я узнал, что они себя называют Лаори, это название вида, по значению близкое к Люди. Лаоро – мужчина, лаора – женщина. Из вошедших двое были мужчинами, и одна, явно главная, женщина, если сравнивать с нами, то ей было около двадцати пяти-тридцати лет, мужские особи на вид были двадцати-двадцати пяти лет один, и сорока-сорока пяти лет другой. Одеты как воины, это мужчины, женщина же облачена в эдакий, я его охарактеризовал бы как средневековый деловой стиль. Ну с поправкой на обстоятельства, конечно. Строгая юбка, жакет с рукавами, под ним белая блузка, иглы на голове коротко подстрижены, оттого выглядят все так, словно на голову радуга одета, взгляд уверенный, спокойный. Мужчины расположились у двери, по бокам, как караул, она же сделала по направлению ко мне пару шагов и произнесла:

– Квасиа, чага камба? Гуси монго тетелла? Рос?

Н-да, чудесного знания местного языка, при переносе в этот мир, как оказалось, мне также никто не дал. Что я мог сказать?

– Привет. Меня зовут Дмитрий, Дима. Я не местный, но не несу зла, я просто смотрел, хотел узнать, безопасно ли мне приближаться к городу.

Она повернулась к мужчинам и, может мне и показалось, но с тревогой проговорила:

– Бена! Рос. Кига лучази мбола. И уже мне. – Дзинг мьене келе?

– Не понимаю.

И тут видимо она перешла на другие языки:

– Тун сом кон? Ичи?

– ???

– Пара ту сае?

– Да не понимаю я, говорю же не местный.

Она разочарованно нахмурилась, и они все втроем вышли, закрыв за собой дверь. Через какое-то время они все трое опять зашли ко мне в камеру, и что-то бормоча, и иногда выкрикивая, совали мне в нос мой нож, бывший наконечником копья, а также наконечники стрел, видимо пытаясь узнать, где же я их взял. Я только плечами пожимал. Потом они достали свернутый в тубу огромный лист бумаги, и развернули его на столе, показывая на нож и на стол. Так я увидел карту этого мира. Видимо они хотели, чтобы я показал им, где я взял эти предметы. Что я им мог показать? Полазив взглядом по ней, чтобы изучить, все-таки, такая возможность увидеть, куда же я попал, я показал за картой, просто ткнув пальцем в стол за краем листа. Глаза у них стали еще больше, и «повтыкав» с минуту они положили на стол еще одну карту, меньше и явно другой планеты. Там всю поверхность занимала суша, с массой рек и речек, но без океанов. Почему-то я сразу подумал на спутник, большую луну. Интересно, значит они и там бывают. Но как? Здесь же средневековье! Или нет? Обалдеть! Есть над чем подумать. Я также ткнул рядом и с этой картой. По-моему, они приняли меня за психа. Сочувствующий взгляд, и они ушли.

Так вот. Карта этого мира. То, что я успел увидеть и запомнить. Всего здесь было три континента, и несколько гряд островов. Один материк большой в правом полушарии, по привычке я его для себя обозвал восточным, и два поменьше, в западном полушарии. Я находился на восточном, примерно там же, где на нашей Земле находится Москва, если взять Евразию, обрезать ее существенно со стороны Дальнего Востока и Азии, и расположить чуть ниже. Что-то я наворотил. Город, в котором я находился был расположен на треть левее и чуть севернее середины континента, наверно мне просто хотелось спроецировать свой мир на этот, и прилепить к нему привычные ориентиры, но мне просто сразу в голову пришло, что место это находится там же, по сетке, где и Москва на Евразии.

Как я вообще это узнал? Да просто они несколько раз указывали на точку на карте, наверно, чтобы я определился со своим текущим месторасположением. Город, в котором меня захватили, находился рядом с большим белым пятном, на котором была надпись большими черными буквами и это пятно занимало достаточно большую площадь. Как раз оттуда я и пришел. Странно. Походу там какие-то «страшные земли». Не заметил особо. Хотя может и радиация, или еще что-то, или мне просто повезло и ужасов этих земель я не увидел. Теперь понятно, почему там никто не живет. Какое-то табу, скорее всего. Так вот, все эти континенты были заселены, очень плотно, вот только на западном южном континенте был нарисована морда ящера, которых я видел при нападении на город, а на северном морда какого-то непонятного мне существа, похожего на

павиана. Так значит ящеры обитают на другом континенте, но как же они долетают то сюда. Скорее всего у них есть здесь плацдарм, с которого они и производят свои нападения, или с какого-то архипелага, вон их сколько было на карте. Похоже на то, что здесь идет межвидовая война, и напали именно летающие ящеры. Блин, ну как же мне мешает незнание языка! Городов и поселений на карте было обозначено много, также эти земли были разделены на несколько государств. А вот другие континенты не были так уж подробно представлены, что в принципе понятно, итак, для «средневековья», карта была очень уж подробна. Я поставил слово средневековье в кавычки, так как уже стал сомневаться в этом. Карта, ее детальность, а также карта спутника, поколебали мою уверенность в том, что здесь развитие цивилизации остановилось на уровне средних веков Земли. Много они знают для средневековья. Средневековье, летающее на соседние планеты. Ну не абсурд ли!

Город, где мы сейчас находились, был расположен, по сути, на окраине цивилизации, рядом с белым пятном, ставшим местом моего рождения в этом мире. Все интереснее и интереснее, вам не кажется. Тут я впервые задумался о том, что попал сюда неспроста.

Был один плюс во всем этом. Мой внешний вид их не удивил, что позволяет мне надеяться на то, что люди в этом мире есть. А это я вам скажу – огромный плюс. Плюсище такой, большой, толстый и квадратный плюс с пятиэтажный дом! Появился шанс прожить не впустую, а среди соплеменников, и как-то найти себя и свой смысл в этом мире.

Глава 4.

Радовался этому я еще несколько дней. Ко мне никто больше не заходил, еду давали один раз в день, причем совсем немного и примитивную. Вода и кусок хлеба с сыром. Вот и все, наслаждайся, так сказать, причем и куски то были маленькие. Видать им нужно было принять решение по поводу меня, и пробить меня «на траблы», есть ли кто за мной, впишется ли кто за меня. Потом видимо решение в отношении меня было все-таки принято.

И меня перевели в рабский загон. Классика, я бы сказал. У ворот, ведущих в саванну, прямо у стены, был перегороженный железной решеткой, практически куполом, участок, в котором размещалось с десяток таких же как я бедолаг.

Почти все они были лаори, кроме меня и еще одного организма. Таких я еще не встречал. Он был здоровый, очень. Под два с половиной метра, и весом наверно центнера в два, если не больше. Сильное, я бы даже сказал мощное тело с непропорционально длинными руками, достающими практически ему до колен. Свирепая рожа с выпирающими вперед челюстями, как у собаки, хотя нет, скорее всего, как у павиана. Весь в желтой густой шерсти, кроме лица, ладоней и небольшого участка на груди, этакого треугольника, как галстук другого цвета на груди у кошек. Кожа на лице и груди была красная, как у наших индейцев. Впечатление он производил, и не только на меня, так как он единственный был привязан к решетке на цепь, обвязанной вокруг пояса. Он не вырывался, а просто сидел, устало поглядывая на окружающих. Но я его внимание явно привлек, так как он не сводил с меня глаз с тех пор, как меня завели в клетку. Лаори-пленники меня как будто не замечали, разбредясь по клетке и погрузившись в себя. Я присел у самого входа и стал наблюдать за жизнью города вокруг. Сюда меня привезли в закрытой карете, запряженной насколько я мог увидеть парой лошадей, везли быстро, а мои конвоиры просидели всю дорогу напротив меня, уперев наконечники своих копий мне в живот и грудь. Так что дергаться я и не подумал, да и не знал еще, куда еду. Только увидев загон, я осознал свою участь. Как-то вот сразу понял, что это рабский загон, видимо потому, что подспудно ожидал этого.

Читая разные книги про попаданцев или космических или в другие миры, я все время удивлялся, как им удавалось устроиться сразу в аристократы, а то и в принцы. Ну да, чего уж там, мелочиться не нужно. Пришел хрен знает откуда, один и за тобой никто не стоит, к незнакомым людям, и они, сразу же проникнувшись и восхитившись твоим обаянием, гениальностью и невероятными талантами в магии, боевом искусстве и умении делать булат из говна, сразу же ставят тебя своим предводителям, а все принцессы тут же влюбляются в тебя, и тащат в жены, при этом сразу восьмеро разнообразных. Причем эти принцессы обязательно становятся подругами между собой, восхищены твоим членом, и мало того, что неимоверно красивы, так еще и обладают необходимым перечнем навыков, начиная от боевых искусств и заканчивая дипломатическими и экономическими талантами. И вытаскивают тебя из всех задниц, в которые бы без тебя и не попали. Вот скажите, кто читал, вам не кажется, что все эти книги писали озабоченные тридцатилетние задроты, трусливые и не умеющие ничего в своей жизни, и только в книгах воплощающие свои представление о себе великом, стирая ладони в мечтах о женщинах?

В наше-то время ты никому не нужен, а уж в средневековье и подавно, многие люди относились к чужакам настороженно, с недоверием, а уж прихватить

бесхозного, да выгодно его продать… Мне кажется никто такой шанс не упустил бы.

Так вот, наблюдать за жизнью города было интересно, да и удобнее, чем из кустов. Поймите меня правильно, да я сидел в рабском загоне, но вокруг меня был новый мир, совсем другая жизнь, планета. Да и существа вокруг были совсем иные, совсем. Сколько из нас мечтали о таком, я сейчас не про рабский загон, представляли ночами, как оно, попасть в новое и неизведанное. В детстве, начитавшись Стругацких, Гарри Гаррисона и Булычева, мы часто представляли себя в таких ситуациях. И мечтали о Приключении. Правда не думали, что мы там никому не нужны. Но это же мелочь, правда. По сравнению с тем, что новый и удивительный мир вот он, рядом, пусть и за решеткой. Мимо проходили, пробегали и проезжали лаори. Удивительные и красивые существа, живые и деятельные. Ходили, ездили на обычных лошадях, как верхом, так и запряженных в различные повозки, кареты и телеги. В общем жизнь кипела. Вот мимо пробегает ребенок лаори, постреленок такой, глаза яркие, аж блестят, явно напроказничал где-то, и уматывает от наказания. Следом идет степенная дама, в сопровождении служек и охраны, явно с рынка, где закупалась провизией. Сколько грации и уверенности в себе. Мимо пробежала стайка молодых, смешливых девчушек, навстречу им прошло подразделение воинов, эти суровы и сосредоточены, видно по делу идут. И запахи. Запахи. Целая смесь запахов, от резких и пряных, до сладких и не очень. Ну и пованивало иногда, особенно от нашего загона, да и от рядом расположившихся пары других, в которых содержали животных, видимо тоже для продажи. В соседнем продавали лошадей, далее свиней, а вот еще дальше я уже не смог разглядеть, что там содержали. Напротив загона гудели торговые ряды. Как же это было интересно, я во все глаза рассматривал и старался все запоминать. Одежда, фрукты и овощи, мясо, тысяча разнообразных мелочей, здесь продавалось все. И гомон, гомон, гомон, который стих только уже под самый вечер. За весь день к нам никто так и не пришел, я потом заметил, что за рабами приходили только утром, а меня привезли уже после торгов, вот и не застал их в первый свой день. Свернувшись калачиком возле оградки, я уснул. День был познавательный и утомил меня, если честно.

Через четыре дня привязанных в загоне уже было двое. Меня тоже пристегнули, после того, что я устроил здесь на второй день пребывания. В тот день я только проснулся, и сидел, протирая глаза, с утренней мутью в голове. Мысли еле ворочались, в основном о том, где здесь можно умыться и привести себя в порядок, ну и облегчиться в конце концов. В загон зашло несколько военных, и пару богато разодетых, крупных женщин, явно купчих. Все никак не

перестроюсь, здесь же явно верховодят женщины, а я все по привычке, ожидал мужчин-покупателей. Меня подняли пинком под ребра, от неожиданности я его пропустил, засмотрелся на вошедших, и не заметил, как ко мне приблизился один из воинов. Меня, человека, выросшего и воспитанного в советской стране, с ее презрением к рабству и неприятием его, с вколоченными до уровня подсознания идеями равенства и братства, такое обращение моментально взбесило. Да и матрица восприятия еще не оформилась, я не воспринимал их как служивых, просто исполняющих свою работу, а именно как бандитов и работорговцев. Поэтому я встал и прыгнул на них рыча от злости и гнева. Они не ожидали. Явно совсем не ожидали.

Потом я узнал, что здесь к рабству отношение было другое, но именно у лаори. Они воспринимали это просто как этап, пусть и не удачный, но временный, так как пожизненного рабства здесь не существовало, в него попадали как у нас в тюрьму, на определенный срок, и потом могли начать все с начала, не заклейменные, так как здесь и не клеймили рабов вовсе. Попадали в рабство за долги или проступки, такие как трусость на поле боя, воровство. У лаори был достаточно жестокий кодекс чести, с жесткими ограничениями и правилами, как для повседневной жизни, так и для войны. Те, кто были со мной в загоне как раз и попали в него по результатам того боя, за которым я наблюдал со скалы. Иноплеменные попадали в рабство на более долгий срок, но тоже имели шанс выйти свободными, правда если выживут, конечно. Женщины-лаори в рабство не попадали, это было запрещено кодексом и законом. За проступки достойные попадания в рабство, их просто казнили, если они не находили в себе сил, покончить с собой с помощью ритуального самоубийства. Но такие случаи были достаточно редки, так как силы они в себе в основном находили. Жестко у них с этим.

Хотя они и не были готовы, но среагировали достаточно быстро, я успел нанести только один удар, потом сам словил боковой. Крепко так прилетело. Потом мне добавили, и еще добавили. Умеют бить паразиты, прям родных ментов вспомнил. Как говорится бьют сильно, но аккуратно, без следов. Я еще немного побрыкался, оказывая сопротивление, так сказать. Опыт болельщика, с его разборками между фанатскими фирмами мне в этом помог, все-таки я поварился в этом не слабо, еще в студенчестве прописавшись в одной из них, приезжая в Москву на матчи любимой команды. В общем, попресовали меня не хило, все тело болело, да и внутри все тряслось. Но на следующий день я все повторил, с тем же результатом. Правда в этот раз я дождался пока меня не начали осматривать более подробно, и так сказать предметно. Наверно они решили, что успокоили меня, убедили побоями, так как весь вечер я пролежал в одном из

углов загона, не шевелясь практически, ибо все тело болело. Да и обдумать нужно было. Как себя ставить в этом мире, какой образ создавать у окружающих. Это напомнило мне мою юность, когда я переехал в институт, в общежитие. Я же вырос в деревне, учился в школе, где моя мама была учителем, так что надеюсь понимаете. Драться научился раньше, чем писать, так как многие хотели выместить на мне свои обиды, за двойки и выговоры, которые получали от моей матери, как учительницы. А учитель она была строгий, так что недостатка в желающих разобраться со мной не было. И вот, когда я приехал в институт, в общежитие, то сразу решил, что теперь меня будут воспринимать только именно как меня, и я до судорог хотел самоутвердиться, показать всем, кто я, и чего стою. И ловил тогда неприятности полной чашей, сам их искал, набивая синяки и даже получая шрамы. Но утвердился, и заработал неплохой авторитет, даже вождем прозвали в общаге. Времена тогда были жуткие, 90-е, что тут скажешь, хотя сейчас молодежь, устраивает в инете скулеж, мол как тогда было круто. Не круто, а страшно и голодно. Да и жизнь практически ничего не стоила, вот и приходилось сбиваться в стайки, чтобы выжить. В буквальном смысле этого слова. Так что, получить в те времена погоняло вождь многого стоило. Хотя и накладывало, конечно. Потом, чтобы не втянуться, пришлось резко обрубать, а то лежал бы уже на кладбище, рядом с такими же братками. Но вовремя свалил. Вот и сейчас я стоял перед тем же выбором, что делать, смириться и перетерпеть, либо заявиться, и огрести. Но тут нужно опять поймать баланс, если не хочешь зарваться, или уж не ловить, этот самый баланс, а переть до конца. Но тогда о спокойной жизни думать не придется. Заявишься, придется соответствовать. Хотя, чего я теряю здесь, все уже потерял там.

В общем на третий день я включился, когда мне попытались раздвинуть губы, наверно, чтобы оценить здоровье моих зубов. С зубами мне повезло, всегда здоровые были, от рождения, даже у зубного ни разу не был. Так как лаори военный, который изучал меня, смотрел мне на лицо, то я пнул его под колено, и когда он закричав согнулся, боднул его лбом прямо в переносицу, это его сразу же вырубило, а я в прыжке развернулся и ногой врезал другому под дых, и доработал его ударом левой рукой по скуле, когда его скрутило. В этот момент меня попытались ударить сбоку дубиной, но я сблокировал удар, ударом же правой руки по кисти нападавшего, но неудачно, вернее сблокировал удачно, дубину выбило из руки, и она прилетела мне по загривку, но вломить левой я ему все-таки сумел. А по голове дубиной прилетело ощутимо так, я аж пошатнулся. Картинка получилось эпическая, я, напротив три женщины-купчихи лаори, разодетые в пух и прах, с какими-то немыслимыми прическами из игл на голове, и массой украшений из золота, серебра и разнообразных камней на теле и одежде (не надо в меня плеваться, да, женщины Лаори, но купцы везде купцы,

любят внешний блеск). Повторюсь, эпично смотрелось, рядом валялись трое воинов-лаори, и все это посередине рабского загона. Остальные сокамерники отпрянули от нас подальше, вжимаясь в стены-решетки камеры, с единственной мыслью, написанной на их лицах, оказаться где-нибудь подальше. И только желто-красный переросток-павиан, делая вид, что дремлет, внимательно наблюдал за мной. Я для себя его называл просто громилой. В этот момент в загон забежало с десяток воинов-лаори с дубинами наперевес. Ха, вот теперь весело будет, хотя и больно. Как будто я попал на очередную разборку между фирмами, так что я подобрал одну из дубин, которую выронил один из тех, кого я вырубил, и прыгнул навстречу бойцам.

Меня привязали напротив громилы, который оказался неплохим парнем, и тоже поучаствовал в потасовке. Парочка из воинов-лаори, во время атаки на меня, оказалась в зоне досягаемости его рук, и тут же поплатились за это. Краем глаза я успел заметить, что с ними стало, они словно поломались, и отлетели в другой конец загона. Тут и я влетел в толпу стражников. Хорошо так влетел, опыт был, да и они походу совсем от меня такого не ожидали. Повеселились мы с громилой хорошо, но и получили оба неслабо. Почему нас не убили не понимаю, мне кажется, что парочку их бойцов мы уложили наверняка. Хотя помяли нас изрядно. У громилы все лицо представляло из себя большой синяк, да и не только лицо. Он был весь в потеках крови, и слабо шевелил левой рукой. Представляю, как выглядел я. Все тело не просто болело, оно выло от боли, на лице была корка от грязи и крови, но прикасаться к нему я не мог, было чудовищно больно. Губы опухли, и я не мог даже говорить, правый глаз заплыл, и не открывался. Ног я почти не чувствовал, и сидеть было больно, так как задницу мне тоже отшибли, а встать я не мог, не было сил, да и мешала цепь. Та еще картина и то еще состояние. В загоне кроме нас осталось всего двое лаори. Один совсем по виду пожилой, с седыми, черно-белыми иглами на голове, вернее бело-серыми, сам весь морщинистый и суховатый. Второй молодой с виду, с длинными, доходящими до лопаток иглами, собранными в пучок. Вообще парень был модный, с татуировками на лице и руках, на руках так до самых плеч, одет он был в безрукавку, так что все на виду. Он первый и подошел ко мне, присев на корточки напротив меня и разглядывая, словно неведомую зверушку, произнес:

– Ндола бунзо лесенга. Квасио рос? Нгала кикуйо камба.

Громила прорычал ему что то, что я похоже уже слышал ранее. В камере еще. Меня что, спрашивали на языке громил? Интересно девки пляшут.

– Ичи. Ту сон. Рос бирра кон.

Лаори повернулся к нему и что-то пробормотал. Тут я опять отключился. Когда включился снова, чувствовал себя уже лучше, да и кто-то умыл меня, и немного почистил от крови. Так, например, глаз уже открывался, и я с облегчением выдохнул, все-таки с двумя глазами лучше. Фиговенький юмор, я понимаю, но уж что есть, тогда я думал так. Молодой лаори подошел ко мне, и что-то проговорив, ткнул меня своим пальцем в мои лицо и руки. Я так понял, что он говорит, что обработал мои раны.

– Спасибо, пробормотал я опухшими губами, – я Вам очень признателен.

Он нахмурился и опять что-то пробормотал. Со стороны напротив раздался смех громилы, ему было весело, заразе. Но я помнил, что он выступил на моей стороне, единственный из всех в загоне, поэтому постарался улыбнуться ему. Вряд-ли получилось, конечно, рожа у меня та еще сейчас была, но его походу устроило, так как он тоже показал мне свой набор великолепных зубов, острых, как у акулы. Страшновато выглядит, я вам скажу, но, если честно, мне было приятно.

Тут лаори ткнул себя в грудь и сказал, – Импло.

Тогда уж я догадался, что он назвал мне имя, но свое я решил сократить, для удобства, и чтобы совсем уж не перевирали – Дим, представился я. Он показал на громилу и сказал, – Дван. Альт Дван. И показывая на себя опять, – Импло, Лаори Импло, а указав рукой на старика, – лаори Свапо. Из чего я сообразил, что громилы называли себя Альтами, а разумные с иглами на голове Лаори. А Свапо, Импло и Дван, это их имена. Я же назвался еще раз

– Дим, человек Дим.

– Челвек? Рос? Бена, Рос Дим! – словно утвердил он меня. Рос, вот странно, уже несколько раз слышу это слово в отношении меня. Ничего не напоминает? Но это же какой-то сюр, если здесь называют людей росами. Очень уж напоминает рус, или росич. Странно все это, но как хочется поверить в то, что я встречу здесь земляков. Вдруг первые люди, занесенные в этот мир, были моими предками. Бред, конечно, но, повторюсь, очень хочется в это верить. Пока же я решил считать название здесь людей росами просто совпадением.

Шороху мы своим боем видимо навели немалого, так как к нам в загон несколько дней почти никто не заходил, еду кидали просто сквозь решетку, воду просовывали снизу в плоских плашках. А я учил язык, вернее сразу два, так как Импло дублировал все слова еще и на языке Альтов. Башка трещала, но выхода у меня не было, а уж замотивирован я был максимально. Поэтому запоминал. Через неделю я уже многое понимал, по крайней мере простые слова и фразы.

Здесь также время исчисляли неделями, и месяцами, только месяцев было 24, и состояли они из трех недель каждый. Таким образом в году было 504 дня. Времен года было два. Длинное лето, и короткая осень, выражавшаяся периодом дождей. Урожай здесь снимали за лето трижды. Климат был более теплый и умеренный, резких перепадов температур не было. По крайней мере так я понял, при условии достаточного скудного словарного запаса. Прошла неделя, а нас так никто и не беспокоил, я имею в виду меня и Двана. Странно все это, и нравится мне все меньше и меньше. Явно что-то затевалось. Но что?

Импло учил меня хорошо, практически весь день я заучивал слова на двух языках, делая редкие перерывы на еду и сон. Дван в основном слушал его и иногда поправлял. Не болтливый он разумный, как оказалось, и я его понимал, сам такой. Когда я стал уже хоть немного разбирать то, что мне говорят, и смог сам немного формулировать слова, я спросил у Импло – почему? Лаори нахмурился, и сказал, что возвращает долг. На этой неделе купили и увели старика Свапо, жаль, хороший и добрый был старикан, пытался все время, пока был с нами, накормить своей едой Двана. Там еды то было на каждого, нам и то мало, а уж Двану. Вот он и пытался его накормить, уверяя того, что ему много не надо, стар мол уже, и этим сыт. Но Дван не купился, чем заставил меня уважать его еще больше. Мы втроем пытались разговаривать между собой, хотя и плохо понимая друг друга, но все-таки. Я вспомнил, как в прошлой жизни мы ездили в Италию, и там, по предварительной договоренности, пересеклись с однокашницей из института, которая уже давно жила в этой стране. Ее мужем был чистокровный итальянец, не говоривший совсем ни по-английски, ни по-русски, но мы как-то общались, на чудовищном пиджине, смеси из различных слов разных языков, и вот что интересно, понимали друг друга, ну как могли, конечно. Здесь тоже самое. Так я узнал, что людей здесь и вправду называли росами, (странно, да?) но встречались они редко, и никто не знал, где они обитают. Просто периодически, раз в несколько лет, они вдруг появлялись в землях лаори и альтов, как поодиночке, так и группами. Были неплохими воинами и торговцами, торговали отличным металлом, оружием, изделиями из драгоценных металлов и камней. Иногда нанимались на войну против разумных

ящеров, которых здесь называли Иканфами, иногда телохранителями. Вот и все, что я узнал про свой вид. Но это уже не мало, это же совсем не мало. Живем! Тут есть мои сородичи, люди, и если брать их самоназвание, то скорее всего еще и соплеменники. А это уже совсем другой коленкор. Надежда, теперь она у меня есть в этом мире. И цель. Найти их.

Глава 5.

На трех материках этого мира, распространились и главенствовали три основных вида. На этом – Лаори, на северном западном – Альты, на южном западном – Иканфы. Вообще, про материк Иканф мало, что знали, я так понял, что там жило еще несколько видов, но уточнить мне помешало плохое знание языка. На спутнике тоже кто-то жил, но говорить об этом было скорее всего не принято, причем у всех народов, потому что, стоило мне только спросить об этом, как оба начинали бурчать и плевать через правое плечо. Вот интересна мне живучесть некоторых примет, у нас в России тоже плюются, только через левое. Но ведь это уже частности, а вот сам процесс такой же. Интересно, не правда-ли? Еще на четвертый день хотели купить и Импло, но он что-то твердо сказал покупателям, большой тучной женщине лаори с серебристыми иголками на голове и в невероятном наряде, который просто ослеплял своей пестротой, и она ушла, отказавшись от покупки. Невероятно, да? Но так было. Потом я спросил про ее наряд, оказалось так одевались деятели искусства, и чем ярче был наряд, тем больших успехов добился их обладатель на своем поприще. Талантливая была покупательница, судя по всему. Но Импло не захотел. И она его послушала!

Еще через неделю к нам в загон зашел целый отряд воинов лаори. Отряд разделился и несколько воинов встали напротив Двана, направив на него целый лес копий, а несколько лаори, отойдя чуть вбок, натянули луки, с наложенными уже стрелами. То же самое произошло и вокруг меня. Да, видимо мы заставили себя уважать и бояться, но я все также не понимал, почему бы им нас просто не пристрелить.

Тут из-за спин воинов вышла женщина лаори и присев на корточки, прямо напротив меня, стала меня молча разглядывать. А я смотрел на нее. Господи, хорошо, что рожа у меня уже зажила, и я не выглядел так, как будто на моем лице трактор развернулся. Она была невероятно красива для своего вида. Тонкие, аристократические черты лица, глаза, как будто струящиеся голубым

цветом, гибкая, сильная фигура, пропорционально сложенная. И иглы, меня удивил их цвет, я уже привык к их радужности, а тут всего один. Желтый, как на флаге, который висел на главном замке города. Кстати, я рассмотрел рисунок на нем. Посередине флага был нарисован след ботинка. Просто след от обычного ботинка. Вот так вот, без всяких орлов и хищных кошек, автоматов Калашникова и мечей. Правящий род лаори этим говорил всем о том, что оставил свой неизгладимый след на всем протяжении истории государственности лаори. По преданиям, а это я уже знал, их древняя правительница, которая впервые объединила всех лаори в первое же государство, так и сказала, мы, наш род, будем править всегда, и мы оставим свой след в сердцах лаори. И оставили. Раньше это была великая империя, распространявшаяся на весь материк, и как говорят, правящий клан был утвержден на правление за свои заслуги в собирательстве земель лаори самим Фетом, сиречь Богом, но теперь, уже несколько столетий назад, она раскололась на несколько государств. И все-таки империя сохранилась на карте, хоть и в усеченном виде, но даже сейчас это было самое крупное государство лаори на всем континенте. Так вот, аристократы, представительницы и представители самых древних родов, по-видимому обладали невероятно сильными генами, и все их дети рождались с одноцветными иглами на голове. Этим они и отличались от простолюдинов, вернее простолаори. Я, когда узнал, еще подумал, что, наверняка они уничтожали своих детей, родившихся с разноцветной растительностью на голове. Ну или подбрасывали их кому-нибудь. А не рождаться такие дети не могли, все-таки конюхи с садовниками иногда такими шустрыми бывают.

Так вот, напротив меня сидела на корточках и рассматривала меня представительница правящего дома. Честно говоря, мне стало немного не по себе, очень она уж была спокойна и изучала меня так, как изучают, ну не знаю, заинтересовавшую поделку или украшение. С эдаким холодным интересом. Холодные голубые глаза внимательно изучали меня, мне даже показалось, что она принюхивалась ко мне, так как ее тонкие ноздри несколько раз встрепенулись. А вот это зря, я же привязан к решетке уже пару недель, и хоть я и пытался, уж извините, справлять нужду хотя бы не в штаны, но цепь была не длинной, и я максимум мог сделать всего полшага в сторону, чтобы облегчиться, но это все равно не сильно помогало. Также не сильно помогало и то, что нас периодически, раз в два дня обливали водой из трубы, в которой напор обеспечивался вручную, наподобие наших древних египетских и китайских насосов. Также мыли и брусчатку, которая исполняла роль пола в нашем загоне. Запашок вокруг нас стоял еще тот, а тут такой аристократический нос. Красивый нос, кстати, я уже привык к виду костного носа, ибо изучал его целыми днями напролет на физиономии Импло. Его отжали в дальний угол загона, и он там

также находился под жестким контролем парочки воинов.

– Рос, сказала она мне, – я знаю, ты уже понимаешь наш язык. Как тебя зовут?

– Дим, а Вас?

– А ты нахал. Она наклонила голову, волосы-иглы, а она носила длинное карэ, шурша съехали, коснувшись плеча, и посмотрела на меня чуть прищурившись. – Ну Фет с ними, с церемониями, я Ланда, дочь правительницы и наследная принцесса империи Фет-Фанг.

– Очень приятно. И что же привело блистательную в наш рабский загон?

Тут ей принесли кресло, парочка взъерошенных мужчин лаори, явно прислуга, только что огребшая от кого-то из окружения принцессы. Ну как же, королевская особа, и сидит на корточках. Ланда поморщилась, но уселась в него, немного поерзав, уминая свою высокородную задницу на подушках, в поисках наиболее удобного расположения.

– Ну вот, не совсем безнадежен, – сказала она, – Признаться, я случайно увидела тебя в загоне, когда несколько дней назад проезжала мимо. Такое редко увидишь, рос и вдруг в рабском загоне, твой народ обладает определенной репутацией и сумел заставить уважать себя. Да и рабами их содержать себе дороже. Были прецеденты, не дай Фет им повториться. В принципе, ты это продемонстрировал, совместно с альтом угробив с десяток моих стражников. Рос и альт, совместно буянят в рабском загоне, мне стало еще интересней, и я затребовала доклад по ситуации. Всем известно, что твой народ очень мстителен, а мне осложнения в международной политике не нужны. Но ты очень необычный представитель народа Рос. Первое, все они уже знают языки, причем все имеющиеся, да и одеваются не так. Второе, мы так и не смогли выявить твою связь с ними. Ты как будто выполз из диких земель, а там никто не живет вот уже 700 лет, как и было завещано народу лаори в новой книге Знаний. Ты выпадаешь из картинки мира. Но ты рос. Так кто ты и откуда?

Я немного завис, раздумывая. Надо сказать, что понимал я еще не все, что она мне говорила, многое пришлось додумывать исходя из контекста. В общем нужно было подумать. Что ей сказать? Она располагала к себе, была в данной ситуации даже мила со мной, и врать напропалую мне ей не хотелось. Вот,

например, сидит и ждет моего ответа, просто ждет, что необычно для принцессы, согласитесь. С другой стороны, репутация моих соплеменников похоже была достаточно жесткой, и могла сыграть мне на пользу. Но тут замес вот в чем, если лаори обладают хоть малыми знаниями о них, то соврать я не смогу, так как не знаю про них вообще ничего. Да и повторюсь, не знаю почему, врать ей мне не хотелось. И я решил выдать ей частичную правду.

– Я не рос. Вернее, я не знаю, кто я. Я очнулся по ту сторону гор, – тут по рядам лаори пробежал гул негодования, – одетый так, и рядом со мной лежали лук со стрелами и копье. Я пошел сразу же по направлению к горам, пересек их и на перевале увидел город. Обрадовался, и направился к нему, чтобы рассмотреть, кто в нем живет. Так как я не помню ничего, кроме своего имени, то я решил подкрасться и незаметно понаблюдать за ним, чтобы избежать неприятностей. Но не избежал. Дальше Вы все уже знаете.

– Врешь же, – засмеялась она (а смех был приятным, переливистым и искренним), – но по мелочам, как ни странно, в целом ты не соврал. Не удивляйся, я умею распознавать лжецов, нас этому специально учат, особенности должности, если можно так выразиться – усмехнулась она. – Допустим, а почему ты открестился от родства с росами, ведь ясно же было из моего вступления, что это могло тебе дать определенную защиту.

– Ну, мне не хотелось настолько врать Вам, Ваше Высочество.

– Настолько врать? Все-таки ты нахал, – опять улыбнулась она. – Ты прав, по тебе сразу видно, что к росам ты не имеешь никакого отношения, хотя и одного вида разумных с ними. Я тебя хотела проверить, вернее твой дух. Молодец, не смалодушничал. Ладно, ты меня заинтриговал, пожалуй, я забираю тебя себе. Не обольщайся, там ты тоже будешь под караулом и в камере, но будешь учить наш язык, я же вижу, что ты меня почти не понимаешь, и додумываешь смысл моих фраз. А вот потом поговорим, и надеюсь, врать ты мне будешь еще меньше. А лучше совсем не врать, ты меня понял, Дим?

– Да, Ваше Высочество. Можно Вас попросить забрать со мной и Импло с Дваном? Мне все равно нужно учить все языки, а как это лучше сделать, как не с носителем языка, я это про альта, а насчет Импло, так тот уже знает уровень моего владения языком и благодаря этому я смогу быстрее продвинуться в его изучении.

Не знаю, наивно и нагло с моей стороны, но мне чертовски не захотелось расставаться с теми двумя, кто по-хорошему отнесся ко мне в этом мире, и я хотел помочь им так, как видел в тот момент.

Она опять расхохоталась и теперь уже во весь голос. Вот что я смешного сказал?

– Ладно, будь по-твоему, только дай слово, что твои друзья, – тут она опять хихикнула, – не будут буянить.

Я посмотрел сначала на Двана, он чуть прикрыл глаза выражая согласие, и потом на Импло, который просто кивнул.

– Слово.

Ланда встала, и развернувшись подошла к породистой лошади, белой с коричневыми подпалинами по всему телу, которую уже завели в загон, и легко вскочив в седло, ускакала. За ней отправилась целая кавалькада сопровождения, а нас принялись расковывать, с опаской поглядывая в первую очередь на альта. Но тот был спокоен, и так же, как и я, вел себя тихо. Потом нас, всех троих, усадили в закрытую карету и долго везли по городу.

Глава 6.

Разместили нас в трех комнатной камере, также без окон, но уже с некоторыми удобствами. Так на нарах лежали матрасы и постельное белье, в каждой из комнат помимо стола с парой стульев, был еще и шкаф, а также небольшой закуток с туалетом и душем. Причем не с дыркой в полу и постыдным ведром, а именно с водопроводом, который здесь явно присутствовал, раз даже в камеры провели. Видимо это была камера для вип-персоны, а нас сюда запихали втроем, но после рабского загона на улице, да еще и без возможности помыться, это показалось просто райским местом. По крайней мере из душа я не вылезал около часа, а Дван так вообще зависал в нем часа три. Как я его понимаю. Импло было полегче, но он тоже отдал должное как душу, так и чистой постели, растянувшись и уснув на ней сразу же, как только вылез из душа. Потом нам принесли еду. Нет, не так – ЕДУ! Друг-лаори даже не проснулся, а мы с Дваном

обожрались как поросята, набив животы под завязку, отставив в сторону долю Импло, чтобы, увлекшись не сожрать и ее. Но так с другом мы поступить все равно не смогли бы, но, когда ты голоден, уж лучше подстраховаться. Я даже не помню, что там было. Еда, и этим все сказано. Потом мы также разбрелись по своим комнатам и уснули. Импло выбрал себе центральную комнату, в ней же был и вход в камеру, я расположился в левой комнате, альт в правой. Через пару минут стоял такой храп, что мне, кажется, стены тряслись. Я его услышал, так как уснул на пару минут позже Двана, а лаори уже дрых минут как тридцать, и тоже выдавал такие рулады, что мама не горюй.

Потянулись дни, одинаковые как школьная форма в СССР. Каждое утро к нам приходили учителя, две старушки лаори, и учили меня и Двана, он, по его собственному признанию, не достаточно хорошо, как ему хотелось бы, знал язык лаори, языкам. Учительниц звали Айна что-то там и Они что-то там, не запомнил, а потом стыдно было переспрашивать. Они были очень добры к нам, но в тоже время требовательны, и когда я или Дван плохо усваивали материал очень злились, и смешно так ругались на нас, а через неделю, осмелев даже лупили по головам чем-то в виде указок. Ни я, ни Дван не могли обижаться на них, а уж тем более как-то им навредить, мы оба сразу же прониклись к ним как уважением, так и просто к как, ну не знаю, как к бабушкам, что ли, и поэтому легко сносили их наказания. Да и наказаниями то их не назовешь, скорее заботой. Учительница Они мне напоминала мою первую школьную учительницу, Зинаиду Михайловну, которая была у меня в первых классах еще той, советской школы. Такая же одновременно строгая и добрая. Ну не прелесть ли!

Примерно через месяц, чуть больше, к нам зашла Айна, с каким-то лаори, вероятно слугой, тащившем целый ворох одежд, и потребовала привести себя в божеский вид и заодно приодеться. Уже чистых до хруста, и приодевшихся, она усадила нас за стол, строго настрого велев сидеть смирно, и удалилась. Я почувствовал себя ребенком, не шалите мол. Вот как у нее так получается? Трое здоровых мужиков, разных видов и с довольно сомнительными рожами, Дван и до плена выглядел как громила, я же после побоища в рабском загоне обзавелся парочкой не самых эстетичных шрамов на пол рожи, да и со своим ростом и телосложением не выглядел агнцем. Импло же по здешним меркам тоже особой красотой и кротостью не блистал. А слушаемся ее как нашкодившие мальчишки. Меня даже умилило. И не только меня. В камеру к нам сначала зашел с десяток до зубов вооруженных воинов, распределившись по камере и беря нас на прицел, а потом хохотавшая Ланда. Мы благовоспитанно встали.

– Видели бы вы свои рожи. Ну просто ученики первого семестра начальной школы, заливалась смехом принцесса.

Веселая она девушка, как я посмотрю, постоянно ржет. Вот интересно, а глаза ее не веселились. Жесткие такие глаза, серьезные, или это голубой цвет так холодит взгляд? Не знаю, во всяком случае, я ее простушкой не считал, ну не вязалось это с ней. Не та школа и не та роль в государстве, чтобы быть добродушной и простоватой. Положение, оно знаете ли обязывает, и заставляет.

Тут надо пояснить, что школы здесь были, причем, что удивительно, начальные все и для всех были бесплатными. Это позволяло иметь абсолютно грамотное население, а вот дальше, после девятого семестра, если кто-то хотел получать образование дополнительно, то ему нужно было уже раскошелиться. В год в школе было три семестра, на время дождей – каникулы. Учились дети в интернатах, приезжая к родителям только в перерывах между учебами. Обучение в начальной школе соответственно длилось три года. Более состоятельные родители могли видеть своих чад почаще, приезжая к ним в единственный выходной день, в воскресенье. Я тут не буду вас грузить названиями дней недели, принятыми у лаори, так как общее количество дней в неделе как у нас, так и у них совпадает, поэтому для вашего удобства буду называть их по аналогии с нашими. А вот с месяцами так не получится, их тут как я и говорил двадцать четыре. Но об этом позже.

– Как вы догадались, я иногда подсматривала за вами во время учебы, это было увлекательно, хоть билеты продавай – веселилась принцесса. – Два громилы покорно дают избивать себя двум бабушкам, и напропалую стараются им угодить. Принцесса даже слезу смахнула, так ей было весело.

– Но теперь к делу. Дван, сначала ты. Что привело в наши края альта и как он попал в рабский загон. Дальше последовала явно какая-то ритуальная фраза, – я отпускаю тебя, альт.

Тут даже я превратился в слух, так как немногословный Дван своей историей с нами не делился. Честно говоря, я думал он и ее пошлет, или как обычно промолчит, но он меня удивил, по-видимому не только меня, так как Импло тоже дернул ушами, они у него чуть двигались, когда он был заинтересован, уж его то я изучил хорошо за все это время.

– Госпожа, простите меня за мое невежество, и что не представился в первую же встречу с Вами, – тут я ох… удивился очень, громила, а как изъясняется, – но я был в неподобающем виде, и не мог, да и не хотел называть свое полное имя и титул в том загоне.

Все-таки стереотипы сильная вещь, я его все громилой, а у него и титул есть, если так и дальше пойдет, а я помню, как Импло отказал той тетке от искусства, то скорее всего тут только я один без титула.

– Меня зовут, продолжал альт – Дван ичи Умад, и я являюсь представителем славного рода Умад, прямым потомком и третьим наследником правителей-вендов провинции Ишим. В ваших краях я находился с исследовательской целью, по согласованию с императорским домом, мы изучали древние раскопки около города Эйранду (черт, а как этот то город называется? Как-то во время учебы забыл спросить, а сейчас уже и неудобно), и закончив работы уже направлялись в порт, когда на нас напали Иканфы. В укрытие (долинары- здесь они так назывались) мы не успели, и нам пришлось сражаться на открытой местности. Всю мою экспедицию перебили, сам же я был ранен и провалялся без сознания несколько дней, пока меня не подобрали разбойники. Они вылечили меня и продали в Ваш город как преступника, торговавшего с ящерами, и продававшего им лаори. Как Вы понимаете, традиции моего народа запрещают мне оправдываться каким-либо способом, будучи в плену, поэтому я и хранил молчание все время, пока Вы не соизволили отпустить мою гордость.

Так вот что значит эта фраза. А у альтов, оказывается, тоже есть своеобразный кодекс чести, ну надо же, и он похоже не менее жесткий, чем у лаори.

– Мы знаем и уважаем твой народ и особенно твой род, – явно церемониально проговорила Ланда, – и я сожалею, что на моих землях Вам пришлось все это пережить. Ваш народ всегда славился своим несокрушимым мужеством, и мы дорожим добрыми отношениями с вами. Если уважаемый венд изъявит такое желание, то сможет отправиться первым же кораблем, направляющимся на землю альтов. Либо Вы можете подождать у меня во дворце, будучи почетным гостем до тех пор, пока в наш город не придет следующий караван альтов.

– Благодарю, Ваше Высочество, но я, если позволите, хотел бы немного подумать, и определиться уже после того, как станет ясной судьба моих товарищей по несчастью. Я говорю про Импло и Дима. В нелегкое для меня время они были рядом, и мне не безразлична их судьба, хотя, как венд, я приму

любое Ваше решение, и оно ни в коем случае не навредит отношениям между нашими родами.

Ну вот как его понимать? Вроде сначала обозначил что мы под крышей, а потом сам же крышу и убрал. Благородный, чтоб его. Хотя я и не скажу, что мне это не нравится, но не в этой ситуации, крыша нам бы сейчас ой как понадобилась, как мне, так и Импло.

– Хорошо, Дван ичи Умад, я приняла твои слова. Теперь ты Импло с Нья, – принцесса переключилась на лаори, оставив меня по-видимому на десерт.

– Я знаю твою историю, и хочу сказать, что снимаю с тебя все обвинения. Отныне ты свободен.

– Но Госпожа, – заблеял Импло, но тут же осекся под взглядом принцессы. – Да Госпожа, благодарю Вас.

Так, а тут что-то затевается, неспроста этот аттракцион невиданной щедрости. Ну с Дваном еще понятно, а вот с Импло, что-то тут явно не так. Что-то ей нужно, и скорее всего от меня, неспроста она повязала благодарностью моих товарищей, а я уже без всяких экивоков считал их таковыми. Ну что-же, посмотрим, куда выведет разговор со мной. Тут в комнату вошла и села рядом с принцессой еще одна особа, явно непростая. Холеное, красивое лицо, явно дорогая одежда, движения плавные, как у хорошо тренированного танцора или бойца. Но вот впечатление танцовщицы она не производила, ну никак. Из нее просто пер бывалый воин, а ее глаза заставляли думать о КГБ, времен холодной войны на моей родине. Одета сдержанно, но повторюсь дорого. Брючный костюм, светло коричневого цвета, белые перчатки, шейный платок, украшения. Аристократка и стильная штучка. Еще, на что я обратил внимание, так это на цвет ее иголок. Ну тут трудно было не заметить, так как она была двухцветной. Я уже знал о таком феномене, который встречался очень редко у лаори. Иногда рождались такие детки, и только у аристократов. Как правило, более древний и соответственно знатный род наделял именно своим цветом детей от совместных браков между аристократами. Но бывали и другие случаи, когда рождался ребенок с двумя цветами, принадлежавшими обоим родам. Таких как правило сразу умертвляли, и только в единичных случаях, если мать ребенка, и только девочки, обладала невероятными заслугами перед империей ей разрешали оставить такого ребенка в живых. За всю историю лаори таких было три, это четвертая, так как мне рассказывали про них наши учителя, на уроках истории,

и они говорили только о живших в далеком прошлом двуколоров. Отношение у лаори к таким полукровкам было настороженное, у многих неодобрительное, видимо поэтому Айна и Они нам о ней и не рассказали. Даже простые жители континента относились к ним недоброжелательно, что странно, один цвет хорошо, многоцветие тоже, а вот два плохо. Где логика? Но в чужой монастырь со своим уставом не лезут, а понять логику некоторых людей иногда бывает трудно, а тут совсем уж другой вид. Иголки у нее были синего и коричневого цветов, забранные в два хвоста, один над другим, причем верхний входил в нижний. На мой взгляд, смотрелось здорово.

Все ходы пьесы были явно заранее расписаны, так как Ланда не обратила на нее никакого внимания, а только посмотрела на меня. Я внутренне подобрался.

– Дим, хочешь добавить что-либо к своему рассказу?

– Нет, Ваше Высочество, все что мог, я рассказал, единственное, что я утаил, так это то, что в диких землях я прожил чуть больше недели. Я жил на берегу реки, в дне пути от горного хребта. Питался орехами и грибами, и пытался осознать себя, и понять, где я нахожусь. Сейчас у меня всплывает иногда что-то, но невнятное и отрывками, вернее образами, которые никак не могу идентифицировать.

Тут я сделал максимально скорбное лицо, не думаю, что мне поверили, но официальную версию условно приняли.

– У меня есть к тебе предложение, Дим, – подумав начала принцесса. – Сразу скажу, предложение с душком. Но в твоей ситуации, я думаю, особого выбора нет. Либо мы тебя казним за убийство стражников, либо, если тебе повезет, и ты останешься жив после выполнения этого задания, то легализуем тебя в империи, и ты даже сможешь получить гражданство Фет-Фанг.

Тут она улыбнулась.

– Это будет очень оригинально, рос, пусть хоть и только внешне, а по сути, гражданин империи лаори. Вот удивим соседей-то, а!

– И в чем суть предложения, блистательная?

– Знакомься, это Химба Ривер с Танга с Чокве. Она будет руководить экспедицией, наверно ты уже знаешь, в отличии от жизненного уклада росов, у нас матриархат, и правят всем женщины. Тебя это не напрягает?

– Нет, Ваше Высочество.

– Хм, интересный ты рос. Хотя и говоришь, что не рос. Ну да ладно. Вы пойдете вдвоем в дикие земли, и принесете мне оттуда одну вещь. Какую и где она находится ты узнаешь после того, как вы пересечете перевал, и углубитесь на один дневной переход в глубь диких земель.

– А в чем подвох? – спросил я, – в чем сложность экспедиции и зачем городить такой уровень секретности. Я жил там неделю, и ничего опасного не заметил.

– Тебе повезло. Дикие земли не зря обозначены на картах как большое белое пятно. Оттуда уже 700 лет никто не выходил, хотя желающих там обосноваться всегда было с избытком, как же, столько бесхозной земли, да и об артефактах никто не забыл, и даже Иканфы пытались поставить там свой плацдарм. И построить что-то успели, но потом их корпус просто исчез, как сквозь землю провалился. Мы отправляли туда, за прошедшие пятьсот лет, четыре экспедиции. Не вернулся никто. А ты там прожил больше недели и выжил, да еще и говоришь о том, что там безопасно. Странно, да? Может для твоего вида дикие земли безопасны и это распространится и на твоих спутников? А может, и наши ученые склоняются к этой версии, дикие земли населены росами, и тогда у тебя есть шанс договориться с ними. Я, конечно, рискую, что ты плюнешь на все и примкнешь к ним, но выхода у меня нет. Мне необходим тот артефакт, за которым вы пойдете, и нужен он мне как можно быстрее.

Я сразу подумал о бермудском треугольнике на Земле, где пропало куча народа, хотя в версию с росами поверил больше. Просто так все хорошо, что аж не может быть.

– Ваше Высочество, какова основная причина Вашей уверенности в том, что я вернусь. Химба дернулась, ее рука потянулась к кинжалу, висевшему на поясе, но тут же остановилась, наблюдая за принцессой.

А та пристально смотрела на меня, что-то решая и прикидывая. Взгляд мне не понравился, как будто на тебя смотрит калькулятор, складывая и вычитая,

подводя баланс, стоит оно того или нет. Взгляд я выдержал, но добавил.

– Ланда, – тут Химба опять дернулась, как от пощечины, обращаться так к принцессе мне явно не стоило, вот к императрице можно, мне об этом говорили на уроках, но пошло оно все к черту, она же сама представившись, назвала мне только имя, значит тем самым позволив себя так называть, – я наиболее эффективен и полезен, когда со мной играют в открытую, и тогда я всегда держу свое слово, и максимально предан. А вот когда мной крутят в темную, тут возможны варианты, так как я являюсь довольно изворотливым разумным, особенно когда считаю, что моей доверчивостью воспользовались, и могу найти множество причин и поводов, освобождающих меня от клятв, и разнообразных моральных оков. Я возможно не очень умен, но очень пронырлив, уж поверьте мне. И еще, я благодарен Вам за то, что вытащили меня из загона, но еще более благодарен за то, что со мной Вы вытащили и моих друзей, поэтому, при любых обстоятельствах постараюсь сначала выполнить Ваше задание, а уж потом думать о том, к кому бы мне примкнуть. К тому же я и правда не знаю уклада жизни росов, и возможно он мне не понравится, и тогда гражданство Фет-Фанг для меня будет очень актуальным.

Она задумалась, надолго. Дван, Импло и Химба, все сидели с деревянными лицами, только Импло был чуть испуган, а вот Химба явно зла, и ее зеленые глаза ощутимо давили, жгли выплескиваемой энергией. Дван же выглядел так, будто уснул с открытыми глазами.

– Хорошо. Давай в открытую. Я закачаю в тебя яд, который может спокойно находится в тебе семь месяцев, потом, если не ввести противоядие, ты умрешь в течение двух дней. И хреново умрешь. Так устраивает?

Принцесса явно разозлилась.

– Если я пойду с ним, сможем обойтись без этого? – Дван тоже выглядел злым.

– Я не могу рисковать Вами, венд.

– Это будет только мое решение, я сообщу совету провинций Кэрии (так я узнал название материка-государства, на котором жили Альты) о нем. Ваше Высочество, если поможете мне со снаряжением и вооружением, вернее, позволите мне обратиться в посольство, расположенное здесь в Эйенге (о,

похоже я теперь знаю название города, в котором нахожусь), то я бы присоединился к миссии Химбы Ривер с Танга с Чокве и Дима. Думаю, что хороший следопыт и воин лишним не будет.

О как! У них тут и посольство есть. Странно, что же они Двана то из рабства не вызволили? Хотя может право отпускать гордость есть только у лиц королевской крови, и соплеменники просто не могли узнать, за что он в него попал, и поэтому верили в то обвинение, которое было озвучено? (Странно все это, я бы влез и спросил, если бы среди чужеземцев встретил своего земляка в такой ситуации. Как оказалось, так и было, они не могли спросить, он сам завести разговор, правила кодекса не позволяли. Как же они выжили то, с такими понятиями?).

Ланда обрадовалась, но на ее лице это никак не отразилось, просто я почувствовал это. Не знаю, мне кажется я ее очень хорошо ощущал.

– Хорошо, венд. Это Ваше решение, и я не скрываю, что рада этому, альты великолепные бойцы, и это в разы повысит шансы на успех мероприятия, но, и я настаиваю, оснащение экспедиции полностью за счет империи.

– Дим, – продолжила она, – если в деле участвует Дван, то обойдемся и без страховочных мер. Извини, в отличии от тебя, альты обладают безупречной репутацией по части своего слова. И никакой патриотизм, или примитивное желание разбогатеть, не смогут повлиять на обязательства, которые они на себя возложили. Тем более, что артефакт, за которым вы пойдете, вернее его наличие у императорского дома лаори, никак не скажется на межвидовой расклад сил на политической арене. Скорее он поможет именно моему виду выжить.

Альт с интересом посмотрел на принцессу. Похоже, что не только я один здесь ничего не понимаю, Дван тоже удивлен.

– Ваше Высочество, я пойду за этим артефактом, и постараюсь его добыть, а уж добыв, сначала принесу его Вам, а потом буду думать о своей дальнейшей судьбе. Знаю, что веры особой мне сейчас нет, доверие вещь такая, которую нужно заслужить, но мое слово никак не слабее слова Двана. Уверяю Вас, в этом. Мне понадобится время на подготовку, так как квест будет скорее всего продолжительным, и нужно многое учесть.

– Не вопрос, латы, походный инвентарь, продукты, копья и мечи, все возьмете со складов и арсенала города, – она даже подалась чуть вперед, видно ей было очень важно, чтобы именно я согласился на эту авантюру. Хотя в чем авантюра, я так и не понял. Я прожил в этих землях два месяца с небольшим, и никакой опасности, кроме гринбарсов там не увидел. Ах, да. Один раз, рано утром, по дороге к горной гряде проснувшись в ветвях дерева, я увидел стаю волков, шедшую куда-то по своим делам, и не заметившую меня, либо не посчитавшую нужным обращать на меня внимание. Вот и вся опасность! Волки, конечно, впечатляли, да и гринбарсы тоже, но это же не повод, чтобы на эти земли народ не совался уже около семисот лет. В чем подвох??? Не понимаю.

– Я не мечник, мне понадобятся лук. Доспехи будут очень кстати, также, как и лошади, не тащить же снаряжение на себе.

– Всем обеспечу, все что пожелаете предоставим, но на подготовку максимум неделя. Идет?

– Я мечник, – подал голос Импло, – и неплохой кстати, и я иду с вами. Ваше Высочество, прикроете меня перед кланом? Ну или сообщим им, что меня продали в государство Мпон.

Тут уже дернулась принцесса.

– Импло, хоть ты и выведен из клана с Нья, но насколько я знаю, твой клан все еще ценит тебя, и мне бы не хотелось, чтобы возникло даже самое малейшее напряжение между правящим кланом, и кланом, который считает тебя одним из своих самых достойных представителей.

– Уже не считает, Ваше Высочество. И напряжения не будет, позвольте мне встретиться с Нгори Тсо с Нья, и я улажу этот вопрос. От Вас нужно только подтверждение, что Вы не против.

Она долго смотрела на него, что-то решая, но потом кивнула.

– Итак, господа. Состав экспедиции: Руководитель Химба Ривер с Танга с Чокве, она принимает все решения, и вы полностью подчиняетесь ей, Дим, советник по диким землям и лучник, Дван, боец, секира и следопыт, Импло с Нья – мечник, боец. Принято.

Мне кажется, она выдохнула. Ей почему-то очень нужно было, чтобы именно мы все трое отправились в дикие земли. Оставалось еще понять, что из себя представляет Химба и зачем мы идем, что там за артефакт-то такой.

Вопросов больше, чем ответов, но выбора все равно нет. Так что ввяжемся, а там посмотрим.

Глава 7.

Переселяться мы не стали, как-то обжились уже в камере. Также продолжали заниматься с нашими учителями, но уже не так интенсивно. Пару раз выбирались в Замок, но ненадолго, в основном составляли список того, что было нужно, ну и комплектовались в рейд. Суровости Химбы хватило ненадолго, видимо с нами она не посчитала поддерживать имидж злобного пса принцессы. Она сама приходила к нам, и надо отдать ей должное после того, как команда сформировалась, она смогла переключиться и установить с нами нормальные рабочие отношения. По крайней мере пока. Она была кем-то вроде телохранительницы при принцессе и порученцем по разным, зачастую щекотливым делам. На мой взгляд, при всем этом, и явно с непростой судьбой, она сумела остаться веселой и жизнерадостной девушкой. Наверняка же тяжело чувствовать себя изгоем в обществе, и при этом сохранить в себе тягу к нормальным отношениям и доверие к разумным. Она смогла, хотя доставалось ей в детстве не слабо. Импло пару раз обмолвился об ее судьбе. Не позавидуешь. Но она осталась, как у нас говорят, человеком, и даже со мной довольно быстро нашла контакт, хотя все еще настороженно на меня посматривала. Даже устроила мне небольшую экскурсию по Замку и городу, и вот там у нас состоялся с ней довольно интересный разговор.

Мы как раз проходили мимо одного из храмов, которые мне очень напоминают храмы в Армении, на Земле, своей аскетичностью и отсутствием всякий украшений, просто стены и крыши. И кресты в круге высеченные, или выложенные камнями в стенах. Все украшения были выполнены из камня и дерева, никаких драгоценных металлов и дорогих тканей. Алтарь в виде простого каменного параллелепипеда, стоявшего посередине храма, служители в простых хламидах. Это мне очень импонировало, как и там в Армении, так и здесь, в городе лаори Эйенге.

Вообще, город мне понравился, даже очень. Улочки, хоть и многие из них были достаточно узкими, были чисты и опрятны, дома свежевыкрашены, и что особенно умиляло, практически возле каждого из них был разбит небольшой палисад, с цветами и небольшими кустами, тщательно подобранными, составлявшими собой некую композицию. Складывалось впечатление, что каждый дом старался перещеголять соседей в красоте и убранстве как внешнего вида дома, так и палисада. Весь город, таким образом, был ярким и пестрым, праздничным и нарядным. Это, после серости, в основном конечно, земных городов, очень приятно удивило, и, что скрывать, радовало глаз. У меня не сходила из головы мысль про пряничный город, настолько все было очаровательно. Лаори, в массе своей оказались довольно жизнерадостным народом, улыбки, и вполне себе искренние, не фальшивые, как часто встречается на Земле, в западных странах особенно, встречались на их лицах намного чаще, чем озабоченность или хмурость. Дети, так вообще щебетали и горланили без умолку, так, что над городом практически стоял гул детских голосов. А детей было много, в каждой семье по два-три ребенка. И как они, с их продолжительностью жизни не стоят еще у друг друга на ушах? Мне говорили, что раньше таких крупных семей не было, в семьях было по одному, максимум по два ребенка, но после трагедии, приведшей к появлению диких земель, ситуация изменилось. Также у них есть ограничения по числу домов в черте города, и площадей, занимаемых этими домами, поэтому и оставалось место под красоту, и город не был перенаселен. Там какая-то сложная система учета жителей в каждом доме, семье, учитывающая разные условия, не особо разобрался. Но работает. Я во время этой прогулки, с грустью вспоминал своего соседа в Москве по площадке на этаже, пожилого уже армянина, по имени Иосиф, который иногда жаловался мне на то, что, открыв окно, не слышит детских голосов. Здесь они присутствовали в полный рост. Еще, мне понравилось то, что было много маленьких мини-рынков, иногда состоявших из двух-трех прилавков, расположившихся на небольших, буквально с пятачок, площадях, образовавшихся на месте пересечения улиц. На которых продавалось практически все, по мелочи правда. Удивительно, но районы вокруг административного центра, да и многие дома на улочках, примыкавших к центру, были жилыми, все производства и мастерские были размещены около городских стен. Дома были малоэтажные, максимум в четыре этажа, и то, это как правило были доходные дома и гостиницы, а вот семьи жили в двухэтажных домах, где верхний этаж занимали более молодые, а на первых размещались старики с совсем уж мелюзгой. Иногда часть первого этажа представляла собой небольшую лавку или кафе, на два-три столика, где хозяин кормил тем же, что и так готовил для своей семьи, всех желающих, правда уже за деньги. И желающих находилось много, военные, одинокие девушки – лаори, приезжие, да

мало ли найдется желающих, не имеющих возможности или времени готовить самому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mazurov_aleksey/poteryashka-dikie-zemli-laori

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить